

Тюдоровская роза

СЬЮЗЕН ВИГГЗ

Круги на воде

1994

Виггз С.

Круги на воде / С. Виггз — 1994 — (Тюдоровская роза)

Новгородская княжна Ульяна Романова чудом избежала смерти и покинула родину с цыганским табором. В скитаниях она провела пять лет и добралась до Англии в надежде на заступничество и помощь английского короля. Но из-за жестокого каприза монарха Юлиана стала женой гордого и замкнутого Стивена де Лассе, барона Уимберли, который совсем не желал брака со странной цыганкой, называющей себя знатной русской дамой. Жизнь со Стивеном, их странный формальный брак перевернул душу Юлианы, поставил перед нелегким выбором: память о прошлом, справедливое возмездие убийцам родных или робкая надежда на счастье с неприступным Стивеном.

Содержание

От автора	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	13
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	37
ГЛАВА 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сьюзен Виггз

Круги на воде

Посвящается Джойсу Беллу, другу и коллеге, доброму волшебнику, в знак признательности за его благоразумие, постоянную готовность выслушать и помочь.

От автора

Во времена Тюдоров астму неправильно и неэффективно лечили. Невежественное лечение доставляло больным жестокие страдания.

Однако цыгане и китайцы тысячелетиями успешно лечили астму при помощи настойки, приготовленной из растения, называющегося эфедра. Хотя с падением Рима использование эфедры было забыто до девятнадцатого века, это средство продолжало применяться на Востоке.

Кочующие цыгане, добравшиеся из Кашмира до Британских островов, могли привезти с собой эфедру, которая у китайцев называлась махуанг.

Эфедрин, изготавливаемый на основе этого растения, и сейчас используется для лечения астмы.

Слава, как круги на воде –
они расширяются до тех пор,
пока не сойдут на нет.

Шекспир.

ПРОЛОГ

Декабрь, 1533 год

Цыганка чего-то не договаривала. Ульяна была уверена в этом. Даже в сумраке амбара, слабо освещенном горящим фитилем из наполненного маслом рога, она видела, как Зара нервничала, пряча свои узловатые руки в сборках пышной юбки.

– Ну, давай, Зара, – настаивала Ульяна, – ты обещала предсказать мое будущее.

Пальцы Зары беспокойно перебирали монисто на шее. Щеки ее пылали, глаза таинственно поблескивали. Лицо старой цыганки стало загадочным.

– Я ничего не обещала, сейчас дует черный ветер.

– Разве может ветер быть черным?

Зара покачала головой.

– Не обращай внимания на мои слова. Уже поздний час. Тебе нужно вернуться в дом. Если твоя мать узнает, что ты тайком вышла из дома и пришла к цыганам, она накажет тебя розгами, а нас вышвырнет на мороз.

Ульяна крутила пальцами гранатовые пуговицы своей накидки.

– Мама ничего не узнает. Она никогда не приходит ночью в детскую. – Ульяна сморщила нос. – И потом, я больше не сплю в детской, я уже слишком взрослая для глупых проказ Миши и Бориса.

Зара наклонилась к девочке через низкий стульчик, стоящий между ними. Ее большая тяжелая рука, слегка пахнущая овечьим жиром, погладила Ульяну по щеке с такой нежностью, какой та никогда не испытывала от своей матери.

– Четырнадцать лет – это еще не совсем взрослая, – прошептала Зара.

Ульяна молча смотрела на цыганку, разговаривающую с ней в полутемном амбаре. Из стойла шел пар от дыхания лошадей. Пахло сеном и животными. На улице был сильный мороз.

– Достаточно взрослая, чтобы быть помолвленной. – Ульяна положила руки на колени. Соболий мех, которым была отделана накидка, приятно грел ладони. – Именно поэтому ты не хочешь предсказать мою судьбу, Зара? Разве Алексей Шуйский... Он достоин любви? – Девушка вспомнила Алексея Шуйского, черноволосого красавца, которого впервые увидела только вчера. Молодой боярин приехал, чтобы договориться с отцом Ульяны о помолвке. За все время его пребывания в их доме Ульяна виделась с ним всего лишь раз. Дом был огромным, Алексей же, подобно всем остальным, считал, что место его будущей невесты – в детской. – Зара, а после свадьбы он будет меня бить? – осмелилась спросить девочка. – Потом найдет себе новую жену, а меня отправит в монастырь? Великий князь Василий¹ именно так и сделал. Наверное, сейчас такая мода.

Губы Зары растянулись в невольной улыбке но тревога затаилась в ее взгляде. Отсутствие нескольких зубов говорило о том, скольких детей она родила. Каждый ребенок стоил ей одного зуба. Потомство Зары – семеро крепких ребятишек – спало на соломе под грубыми одеялами в пустом стойле. Ее муж Ром и дядя Ласло ушли проверять капканы на зайцев.

Ульяне было уютно и спокойно у цыган. Цыгане – не частые гости в северных краях, но этот табор каждую зиму приезжал в Новгород, расположенный среди бескрайних лесов к северо-западу от Москвы. Отец Ульяны, Григорий Романов, позволял небольшому табору цыган расположиться в его огромном поместье во время зимних холодов.

¹ Василий III – великий князь московский (1505-1533), сын Ивана III. Завершил объединение Руси вокруг Москвы при-
соединением Пскова, Смоленска, Рязани. (Здесь и далее примечания переводчика).

Эту привилегию они заслужили. В возрасте трех лет Ульяна потерялась в лесу. Отец организовал поиски девочки. Искали повсюду, но тщетно. Надежда найти ребенка уже угасала, когда с приходом холодной северной ночи вдруг появился незнакомец.

На нем были яркие штаны до колен и рубашка, какие носили жители Карпат. На помощь себе он взял из псарни боярина Григория трех гончих и отправился в лес. После долгих неутомимых поисков по лесу с собаками, этому странному человеку удалось найти девочку, плачущую от страха, на берегу холодной реки далеко в лесу.

Ульяна плохо помнила этот случай, в памяти остались лишь возбужденный лай огромных собак и мужественное лицо Ласло, его сильные руки, когда он поднимал ее, чтобы отвезти домой. С тех пор девочку тянуло к этим загадочным, кочующим людям. Ульяна принадлежала к знатному роду, с самой колыбели ее готовили в жены одному из могущественных бояр. Девушка знатного происхождения не должна была даже замечать цыган, не то чтобы общаться с ними. Но запреты делали их тайные встречи еще более заманчивыми.

– Ну, давай, Зара, – настаивала Ульяна. – Ты видишь там Алексея?

– Мои видения нечеткие и не совсем точные.

– Ну, тогда, что ты видишь? – Нетерпеливая девочка вырвала серебряную пуговицу из своего капора. – Вот, возьми, она должна стоить не меньше ста копеек. – Зара накрыла рукой подарок, а Ульяна лукаво улыбнулась. – Это поможет тебе видеть отчетливей?

Зара спрятала пуговицу на груди.

– Всех вас, гаджо², так легко дурачат цыгане.

Ульяна рассмеялась: для нее эта пуговица стоила не больше деревянной. Как и многие знатные семьи, Романовы³ были невероятно, фантастически богаты. Девушка воспринимала этот факт естественно, как и продолжительные отсутствия отца, служившего при дворе Василия III, великого князя соседней Московии.

Ей стало грустно. Несколько недель тому назад князь Василий умер. У власти остались его трехлетний сын Иван и боярская дума. Между членами думы тут же начались раздоры.

Сегодня отец заперся у себя в кабинете и долго писал проникнутые тревогой послания своим сторонникам в разные города. Он был обеспокоен тем, что знатные бояре начали жестокую борьбу за власть после смерти великого князя.

Отбросив мысли о расстроенном отце, девочка протянула ладонь цыганке.

– На этот раз ничего не скрывай. Но меня не устроит простой ответ: долгая и счастливая жизнь... Я хочу правды.

Зара, неохотно взяла руку Ульяны и повернула ее к свету лампы.

– Иногда лучше не знать своего будущего.

– Я не боюсь узнать.

Глаза Зары и Ульяны встретились: черные, как глубокие озера, глаза цыганки и изумрудные, как весенняя зелень, глаза Ульяны.

– Хорошо быть бесстрашной, Ульяна, – Зара провела ногтем, из-под которого никогда не вымывалась грязь, по извилистой непрерывной линии на ладони девушки. Цыганка бросила взгляд на крупную брошь на плече Ульяны – из золота, в форме креста, украшенную рубинами и жемчугом. Пламя лампы отражалось в драгоценных камнях, казавшихся бездонными.

Взгляд Зары стал неподвижным, она потупилась. Казалось, цыганка погрузилась в царство интуиции и воображения.

– Я вижу три сильных женщины, – медленно начала Зара, ее цыганский акцент стал более явным. – Их жизни переплетены.

² Так цыгане называют лиц другой национальности.

³ Романовы – боярский род в России XIV-XVI вв., с 1613 г. царствовали на Руси.

Ульяна нахмурилась. Три женщины? Она – единственная дочь у родителей, хотя в Москве у нее много кузин из рода Романовых.

– Их судьбы разметал ветер на все четыре стороны, – продолжала Зара, по-прежнему не сводя глаз с броши. Пальцы ее продолжали скользить по таинственным линиям руки Ульяны. – Первая будет очень далеко. Вторая погасит пламя ненависти.

Зара продолжала водить пальцем по линиям судьбы Ульяны...

– Вот здесь все эти три линии сходятся. Третья женщина залечит старые раны.

Холодок пробежал по спине Ульяны.

– Я не понимаю, – прошептала она, испытывая желание отдернуть руку.

– Молчи, – Зара крепко сжала руку девочки и начала раскачиваться словно в такт слышной только ей мелодии. – Судьба падает, как камень в спокойную воду, круги широко расходятся по воде, вовлекая другие судьбы, рассекая невидимые связи. – К завыванию ветра присоединился вой собак из псарни. Встревожившись, Зара прислушалась. – Я вижу кровь и огонь, разлуку и любовь, такую огромную, какую не в силах разрушить ничто, даже смерть.

Ее взволнованный шепот как бы повис в сумеречном пространстве амбара. Ульяна замерла, хотя прекрасно знала, какие фокусы может проделывать Зара. Возможно также, что все ее предсказания – не что иное, как выдумки. И все же глубоко внутри что-то в ней загорелось, словно красные угли костра, раздуваемые ветром. Девушка чувствовала магическую силу слов Зары, и, хотя это было лишь смутное пророчество, Ульяна восприняла его всем сердцем.

Огромная любовь к Алексею? Ульяна видела его всего один лишь раз. Алексей был красив, молод, весел и тщеславен. Сможет ли она полюбить его?

Многочисленные вопросы роились у Ульяны в голове и были готовы сорваться с губ. С верхних стропил амбара прокричала сова.

– Bengüi – дьявол. – Голос Зары дрожал от страха. – Это предзнаменование...

– Что? – Ульяна услышала дальний топот копыт. Даже не услышала, а скорее почувствовала чем-то внутри себя. – Зара, это всего лишь амбарная сова. Что она может предсказывать?

– Смерть, – ответила Зара, затем она вскочила и бросилась к стойлу, где спали ее дети.

Ульяна вздрогнула.

– Это просто смеш...

Двери амбара широко распахнулись. Весь в снегу, освещенный лунным светом, в дверях появился Ласло, а следом за ним Ром, муж Зары. Смуглые лица мужчин были искажены ужасом.

Ром быстро заговорил по-цыгански, но тут он увидел Ульяну.

– О Боже, – продолжил он по-русски, – не надо, чтобы она увидела это!

Предчувствие холодом сжало сердце Ульяны.

– Что произошло, Ром? – Девушка направилась к двери.

Ласло преградил ей дорогу.

– Не надо выходить наружу.

К страху прибавился гнев.

– Ты не имеешь права приказывать мне. Уйди с дороги.

Воспользовавшись его минутным колебанием, девушка проскользнула мимо и открыла дверь. Снежная метель встретила ее, ветер срывал с нее накидку, снег бил в лицо. Накинув капюшон глубже на глаза, она устремилась к дому. Жуткое красное пламя осветило здание. Ульяна закричала от ужаса. Весь дом пылал. Семья и слуги были в опасности. Ее любимые гончие и охотничьи собаки находились в пристройке, рядом с кухней.

Ласло приказал что-то Рому. Приподняв юбки, Ульяна бросилась к дому. Ласло схватил ее за рукав, но девушка оттолкнула его.

Она бежала так, словно у нее выросли крылья. Снежные заносы затрудняли путь, ноги проваливались в сугробы. Ульяна видела, как языки пламени вырывались из окон, слышала лай собак и ржание лошадей.

Но ведь все лошади в конюшнях. Страшная мысль мелькнула у нее в голове и быстро ушла, словно вода сквозь сито.

Пересекая широкую лужайку, обсаженную кустами и деревьями, она услышала позади себя прерывистое дыхание.

– Ульяна, остановись, прошу тебя.

– Нет, Ласло, – крикнула девушка через плечо, – моя семья – папа, мама, мальчики и их няня, Алексей... – и побежала еще быстрее.

Ласло схватил ее за капюшон и дернул назад, Ульяна поскользнулась и упала в снег.

Она хотела закричать, но Ласло быстро закрыл ей рот вонючей кожаной варежкой. Злость охватила Ульяну. Ласло придавил ее всем телом и тихо шепнул на ухо:

– Прости меня, маленькая гаджо, но я не могу тебя туда пустить. Ты не должна видеть, что там происходит.

Ульяна пыталась вырваться из его рук.

– Я должна сама увидеть это.

Прозвучала целая серия выстрелов.

– Стреляют! – Ласло еще глубже зарылся с ней в снег, спрятавшись за кустом, покрытым снегом. Дрожащей рукой он раздвинул ветки, чтобы видеть дом.

Шок лишил девушку дара речи. Она застыла неподвижно, словно икона в золоченом окладе... Пламя, подхваченное порывами зимнего ветра, разгоралось все сильнее. Гигантские языки пламени вырывались прямо из окон, бросали кровавые тени на снег.

Несколько всадников беспорядочно двигались перед домом. Лошади испуганно шарахались из стороны в сторону, пар валил из их раздувающихся ноздрей, снег летел из-под копыт.

На нижних ступеньках каменной лестницы лежала темная фигура.

– Григорий!

Это кричала мать Ульяны. В голосе ее звучала печаль, незнакомая Ульяне доселе. Наталья Романова бросилась к телу мужа с криком глубокой скорби. Широкоплечий мужчина в меховой шапке, в черных сапогах преградил ей дорогу. Страшный изогнутый меч сверкнул в свете огня.

Крики Натальи Романовой смолкли.

– Мама! – Ульяна снова попыталась выбраться из-под куста, но Ласло крепко держал ее.

– Тише, – прошептал цыган, – ты уже не сможешь им помочь.

Не сможет. Она ничего не сможет сделать, ей остается только смотреть, как убивают ее семью. Девушка заметила Алексея, мечущегося из одной стороны в другую. На какое-то мгновение в душе ее загорелась надежда. Может, Алексею удастся спасти ее братьев.

Но, появившись на мгновение, молодой боярин снова исчез куда-то, окруженный этими страшными людьми и ревушим пламенем пожара.

Для Ульяны было страшной мукой лежать здесь совершенно беспомощно, как бы в тисках отвратительного ночного кошмара. Убийцы налетели, словно ураган, но она поняла, что это была не банда преступников, а выученные солдаты, и руководил ими, несомненно, соперник отца. Да, возможно, это был Федор Глинский, чье княжество находилось по-соседству с их владениями. Всего лишь неделю назад князь Глинский назвал ее отца предателем.

– Закрой глаза и не смотри, малышка, – умолял ее Ласло.

Ульяна рыдала, уткнувшись в холодные руки, но взгляда не отводила. Уже невозможно было помочь ее близким, любимым людям, так как нападение произошло слишком, стремительно. Тени носились словно демоны, освещенные пламенем пожара. На секунду она увидела брата Михаила с перерезанным горлом. Тело маленького Бориса отлетело в сторону, когда

человек выстрелил в него с близкого расстояния. Слуг, сбившихся, как овцы в стадо, загнали на задний двор и там закололи. Собак, которым удалось вырваться из псарни, прирезали ножами, когда они набрасывались на нападавших.

Весь ее сверкающий мир, полный радужных надежд, рассыпался, словно карточный домик.

Рот Ульяны открылся в безмолвном крике. Рука ее судорожно сжала рубиново-жемчужную брошь. Эта бесценная вещь была подарком отца. Крестообразная форма скрывала небольшого размера острый кинжал, но оружие это казалось жалким по сравнению с мечами, саблями и пылающими факелами в руках солдат.

Искры и головешки от пылающего дома разлетались в разные стороны. Затем послышался злой лай собаки. Выглянув из укрытия, Ульяна увидела двух дерущихся мужчин. Один из двоих – Алексей, она была в этом уверена. Девушка закрыла глаза и стала горячо молиться о его спасении.

Лай собаки заставил ее снова открыть глаза.

Гончая выскочила из темноты и вцепилась зубами в ногу одного из дерущихся. Ульяна услышала сдавленное проклятие.

– Что б тебя черт побрал!

Один из мужчин упал на землю, и Ульяне удалось увидеть его профиль и густую бороду. Показалось, что она знает его, но затем внимание девушки снова было отвлечено ужасными картинами крови и огня.

Сверкнуло лезвие, и нож попал собаке в лапу. Животное взвизгнуло и скрылось в темноте ночи.

До перепуганной насмерть Ульяны доносились мужские голоса.

– ... нашел девчонку?

– Еще нет.

– Черт бы ее побрал. Осмотри все снова. Нельзя, чтобы дочь Григория Романова осталась жива.

– Я здесь, – позвала Ульяна, но вместо крика у нее вырвался сдавленный шепот, – да, я здесь. Идите за мной!

– Дурочка! – Ласло снова прикрыл ей рот рукой, – Твоей смертью ничего не исправить.

Резкий ветер обдувал ее, и Ульяна поняла причину произошедшего: бояре. Завистливая властолюбивая знать. Они убили ее отца, всю ее семью, жениха.

Девушка припомнила споры между родителями. Несмотря на робкие возражения матери, Григорий Романов помогал великому князю перед смертью составить новое завещание, в котором ограничивались права бояр. Теперь Ульяне стали понятны страхи матери. Бояре были готовы зверски убивать женщин и детей, только бы сохранить власть в своих руках.

– Обыщите хозяйственные постройки, – приказал один из солдат.

Ульяна испуганно посмотрела на Ласло и прошептала:

– Помоги мне.

– Нам нужно торопиться, – Ласло потянул девушку за руку. – Пригнись и держись в тени.

Они пересекли лужайку. Ульяне казалось, что лезвие кинжала готово перерезать ей горло. Добежав до амбара, они проскользнули внутрь. Свет луны просачивался через открытые боковые двери.

Зара, Ром и дети исчезли. В воздухе еще витал запах масла из лампы. Около одного из стойл они заметили двух самых быстрых лошадей, из конюшни Григория Романова – специально выведенная порода быстрых и выносливых лошадей для бескрайних русских степей. Лошади были оседланы и стояли, низко опустив морды, пар шел из ноздрей.

– Быстрее на лошадь, – Ласло подставил ей свое колено, чтобы посадить.

Раздался приглушенный взрыв. Ульяна взглянула в открытую дверь и увидела, как рухнула часть крыши дворца, тысячи искр взметнулись в ночное небо. Вспышка огня осветила три фигуры, бегущие к амбару.

– Поскакали через пастбище, – скомандовал Ласло, распахивая заднюю дверь.

Ульяна пригнулась к гриве коня и стегнула вожжами. Страх и отчаяние охватили ее. Зимняя ночь поглотила двух всадников, направлявшихся к реке Волхов. Спеша скрыться в темноте ночи, они проскакали вдоль земляного вала и каменных стен Новгородского кремля, на башнях которого горели факелы.

Приглушенный снегом топот копыт разбудил сонного стражника на деревянном мосту реки Великой, но пока стражник поднялся, чтобы потребовать плату, Ульяна и Ласло проскакали мимо.

Они промчались через купеческий район города. Собаки лаяли вслед, кто-то закричал на них, но они не обращали внимания. И только тогда, когда дорога сменилась занесенным снегом трактом, они замедлили бег лошадей.

– Кто-то преследует нас, – предостерег Ласло.

Ульяна посмотрела назад. Узкая тень скользнула к ним. Ласло выхватил нож из рукава.

– Нет! – вскрикнула Ульяна, соскочив с лошади. – Это всего лишь Павло.

И через мгновение огромная борзая бросилась к ней на руки. Павло, годовалый пес, был ее любимцем, она сама занималась его выучкой. Девушку не удивило, что собака догнала их. Гончих собак приучали к бегу на большой скорости на большие расстояния. Они умели так загнать волка, что охотники потом без труда ловили его. Встреча с Павло вернула здравый смысл происходящему.

– Павло, – девушка зарылась лицом в длинную шерсть собаки и почувствовала запах крови.

– Он ранен, Ласло, – Ульяна вспомнила одну из сцен ночного кошмара: собака бросается на человека, блеск ножа, затем проклятие, и бедное животное скрывается в ночи.

Ласло склонился к следам на дороге, рассматривая что-то.

– Он оставляет следы крови, гаджа. Извини меня, девушка, но нужно оставить его здесь.

Ульяна отбросила кинжал цыгана.

– Не смей, – голос ее прозвучал жестко, таким тоном она еще никогда с ним не разговаривала. Это был голос незнакомки, совсем не девочки, а женщины, побывавшей в аду. – Боже мой, Ласло это последнее, что у меня осталось.

Цыган проворчал что-то на своем языке. Он нашел кусок тряпки и перевязал рану собаки. И после этого они продолжили свой путь.

Ласло скакал впереди, он знал, куда едет. И только когда на горизонте забрезжил рассвет, Ульяна спросила:

– Ласло, куда мы направляемся?

Цыган заколебался, а затем бросил взгляд на противоположную сторону от восходящего солнца.

– Мы направляемся в край, о котором я слышал из песен моего народа. Этот край называется Англией.

Англия. У Ульяны было смутное представление об этой стране, она вспомнила то немнoгое, что о ней читала. Туманная, мрачная страна варваров. Ее воспитатель, очень образованный и талантливый человек, обучил ее английскому языку и читал ей героические английские поэмы.

– Но почему так далеко? Я бы хотела добраться до Москвы, встетиться с родственниками Алексея, чтобы рассказать, что случилось с их сыном.

– Нет, – резко возразил Ласло, тень пробежала по его лицу, – это слишком опасно. Убийцами могли быть знакомые люди, те, кому вы доверяли.

Ульяна вздрогнула, вспомнив о Федоре Глинском и других соперниках отца.

– Но... Англия, – произнесла она с сомнением.

– Если мы останемся в этой стране, они выследят тебя и убьют. Ты сама слышала, о чем они говорили. Они искали тебя, малышка. Я бы не рискнул появиться в Москве.

Измученная произошедшим несчастьем, девушка закрыла глаза и глубоко вздохнула. Но и с закрытыми глазами она вновь увидела страшные сцены смерти, крови, огня, и все это было окрашено дикой жестокостью.

Ульяна заставила себя открыть глаза. Восходящее солнце бросило слабый зимний луч на припорошенный снегом прошлогодний лист.

И вдруг она вспомнила пророчество. Зара гадала ей всего лишь прошлой ночью, но, казалось, с тех пор прошла вечность.

ГЛАВА 1

Ричмондский дворец, Англия. 1538 год

Стивен де Лассе, барон Уимберлейский вошел в Королевскую спальню и увидел свою невесту в постели короля.

Холодным немигающим взглядом, как на портретах художника Гольбейна, Стивен смотрел на темноглазую уэльскую красавицу, почти скрытую под стеганым шелковым покрывалом. Чувство глубокого возмущения клокотало у него в груди, грозя вырваться наружу. Сжав кулаки, Стивен овладел обуревавшими его чувствами. Он перевел бесстрастный взгляд на короля Генриха VIII⁴.

– Монсеньор, – барон склонился в напряженном поклоне, вдыхая запах сухой лаванды, исходящий из-под балдахина над королевской постелью. Когда он выпрямился, королевские слуги уже направлялись к монарху, чтобы приступить к церемонии одевания.

– А, Уимберлей, – король вытянул руки, и слуги поспешили надеть на него свободный шелковый камзол.

Генрих улыбнулся. В этой улыбке сквозил намек на старую дружбу, на проделки тех лет, когда он был молодым принцем. Тем принцем, кого Стивен, будучи мальчиком, обожал и идеализировал, представляя его вторым королем Артуром.

Легендарный король Артур умер молодым в расцвете славы. Генрих совершил ошибку, дожив до среднего возраста и превратившись в развращенную посредственность.

– Ну, давай, иди сюда, – поманил Генрих рукой. Он спустил бледные, опухшие ноги с постели и сунул в парчовые тапочки, подставленные коленопреклоненным слугой. – Можешь подойти к королевской постели. Посмотри, что я для тебя нашел.

Стивен пересек огромную комнату, чувствуя на себе любопытные взгляды подданных монарха. К этому времени королевская спальня наполнилась титулованной знатью. У каждого из них была своя обязанность по выполнению утреннего туалета короля.

Сэр Ламберт Уилмет отвечал за то, чтобы у Его Величества был ежедневный стул и относился к этому так же серьезно, как и к дебатам по поводу границы с Шотландией. Лорд Гарольд Блудсмур следил за гардеробом короля и заботился о коллекции его обуви так внимательно, будто это были драгоценные украшения короны. Но сейчас внимание всех этих важных джентльменов было приковано к Стивену де Лассе.

Девушка скромно улыбнулась и даже слегка покраснела. Она потянулась в постели с кошачьей грацией, голое плечо показалось из-под покрывала. Как и большинство любовниц короля, женщина гордилась тем, что разделила ложе с монархом.

После стольких предательств Стивен давно должен был научиться не доверять королю и знать, что очередной вызов во дворец может означать только новую изощренную жестокость.

– У меня сегодня игривое настроение, – усмешка короля таила в себе одновременно и веселье и скрытую вражду. Слегка прихрамывая, король направился к специальному стулу, где облегчился, продолжая при этом говорить через плечо: – Я решил снова воспользоваться *droit du seigneur*⁵. Конечно, это устаревший обычай, но у него есть свои достоинства и нужно к нему возвращаться время от времени. Ну, а теперь поприветствуй леди Гвинит, а затем мы...

– Сир, – прервал его Стивен, не обращая внимания на возгласы возмущения присутствующих. Никто бы из них не осмелился прервать короля. На тридцатом году своего царствования Генрих VIII приговаривал к смерти своих подданных и за менее существенные провинности.

⁴ Генрих VIII (1491-1547) – английский король из династии Тюдоров. При Генрихе VIII проведена Реформация. В 1534 году он был провозглашен главой англиканской церкви.

⁵ *droit du seigneur* (*фр.*) – право первой ночи.

Стивен сразу же пожалел о своем поступке. Одно неосторожное слово, и он погиб.

– Да? – король не казался разгневанным. На него надели камзол, затем панталоны, обтягивающие икры. – В чем дело, Уимберлей?

Стивен ничего не мог с собой поделать. Ярость кипела в нем и была готова выплеснуться огненным фонтаном.

– К черту это ваше *droit du seigneur!*

Стивен резко повернулся на каблуках и быстро вышел из королевской спальни. Вполне сознавая, что нарушает правила, барон все же не смог заставить себя участвовать в уже знакомых ему отвратительных играх Генриха.

Затуманенным взором Стивен де Лассе проследил, как прошагали мимо дворцовые стражники, одетые в красно-белые ливреи. Выйдя на мощный двор, чтобы успокоиться, он направился в сад, окруженный стеной. Дорожка, посыпанная галькой, вела через заросли боярышника и эглантерии. Разбитые в геометрическом порядке клумбы напоминали огромную мозаику.

Стивен в сотый раз пожалел, что приехал на ежегодные сборы короля, а не остался в Уилтшире.

Но не выполнить приказ короля означало подвергнуть риску свою жизнь. Он решил хранить свою тайну, даже если у него вырвут сердце и его гордость будет публично уязвлена.

Предчувствие, что король не оставит его в покое, подтвердилось часом позже, когда надменный мажордом вызвал его в Приемный зал.

Высокий зал был увенчан стеклянным потолком. Весенний солнечный свет струился сквозь двойные окна. Витражи отбрасывали разноцветные блики на стены и пол. Кто-то невидимый наигрывал на лютне, звуки музыки смешивались с негромким шумом голосов.

Члены Тайного Совета окружили трон, плечи их сгибались под тяжелыми длинными одеждами.

Стивен прошел по гладким плитам к золотисто-пурпурному помосту и остановился перед тронном. Отбросив атласный плащ с одного плеча, он склонился в низком почтительном поклоне. Даже не глядя на короля, барон чувствовал, что Генрих доволен его покорностью и смирением, Генриху доставляло удовольствие все, что каким-либо образом унижало Стивена.

Стивен поднялся с колена, протягивая подарок. В глазах его отражались ненависть и непокорность.

Генрих сидел в массивном резном кресле, наподобие бога Бахуса, одетый в серебро и золото.

– Что это? – спросил король, давая знак пажу. Мальчик взял небольшую деревянную шкатулку у Стивена и подал королю. С детской поспешностью Генрих открыл шкатулку и извлек оттуда крошечные часы на золотой цепочке.

– Боже мой, ты постоянно удивляешь меня.

– Всего лишь безделушка, – ответил Стивен бесстрастным голосом. У Генриха было много страстей. Страсть к необычным подаркам была одной из них.

Генрих прикрепил цепочку на перевязь, опоясывающую его плотную талию.

– Предполагаю, это одно из твоих изобретений.

Стивен кивнул.

– У тебя редкий талант к различным изобретениям, Уимберлей. Жаль только, что тебе не хватает хороших манер, – из-за толстых щек короля еле видны щелки глаз, тонкие губы крепко сжаты, – ты покинул королевскую спальню даже не попросив разрешения, дорогой барон.

– Да, это так, сир.

Генрих стукнул пухлой рукой по ручке кресла. Пальцы, униженные сверкающими кольцами, вцепились в резную ручку кресла.

– Черт бы тебя побрал, Уимберлей, почему ты всегда нарушаешь этикет?

– Только когда меня к этому вынуждают, сир.

Выражение лица короля не изменилось, но глаза зажглись гневом.

– Неужели тебе не приходит в голову, – спросил он тихим зловещим голосом, – что лучше тебе танцевать со своей невестой, чем играть на моем терпении? Леди Гвинит прекрасна, хорошо воспитана и достаточно богата.

– Она опозорена, сир.

– Я оказал честь девушке, – резко ответил Генрих. – В Англии только один король, как одно солнце на небе. Я не каждому дарю свое расположение.

Стивен прикусил язык, чтобы удержаться от ответа. Бесполезно спорить с человеком, приравнивающим себя к Богу. Он мог легко удовлетворить любую свою прихоть, любой каприз, и какой благоразумный мужчина или женщина осмелится отказать ему?

– Боже мой, Стивен, – заорал Генрих, – твоя строптивость бесит меня. В прошлом году я подыскал тебе четырех благопристойных женщин, и ты всех их отверг. Ты считаешь их недостойными тебя?

– Просто я не могу жениться, – заявил Стивен. – Мне никто не нравится, даже эта пустышка, эта Валлийская конфетка, которую я увидел в вашей постели.

– Конфетки очень сладки и приятны на вкус, – заметил Генрих.

– Но когда побывают в руках у многих, они теряют вкус. А когда их слишком долго хранят, они портятся.

Не отводя глаз от Стивена, король протянул, руку. Слуга шагнул вперед и вручил ему бокал белого сухого вина с Канарских островов. Генрих сделал несколько больших глотков.

– Ты все еще тоскуешь по Маргарет, хотя прошло уже семь лет.

Стивен еле сдерживал желание ударить монарха. Как легко король говорит о Мэг, так, будто никогда ее не знал.

– Неужели она так тебе была дорога, – продолжил король, играя ножом, – что не можешь полюбить другую женщину?

Стивен ничего не ответил, воспоминания о Мэг наполнили его. Как робко она смотрела на него из-под вуали в день их свадьбы. Как плакала от боли и страха. У нее были свои тайны от мужа, который обожал ее. Мэг умерла, истекая кровью и горько проклиная свою жизнь.

– Маргарет была, – Стивен прочистил горло, – ребенком. Очень доверчивым, легко ранимым. – Он испытывал ужасное чувство вины, понимая, что вынудил эту девочку стать женщиной, а затем матерью. И что самое непростительное – привел ее к смерти.

– Я очень хорошо знаю, что значит тосковать по умершей жене, – неожиданное сочувствие прозвучало в голосе короля. Стивен понимал, что Генрих вспомнил о тихой и покорной Джейн Сеймур, которая умерла, подарив ему самое дорогое – наследника трона.

– Однако, – продолжил Генрих властно, – у мужчины должна быть женщина. Не годится, чтобы старые воспоминания отвлекали тебя от исполнения долга. А теперь поговорим еще об этой леди из Уэльса...

– Сир, смиренно прошу вашего прощения, – Стивен понизил голос так, что король едва мог его слышать, – я никогда не соглашусь подбирать чьи бы то ни было остатки, даже если это король Англии. Я не хочу служить целебной мазью для вашей совести.

– Моей совести? – Губы Генриха скривились в усмешке. Он перешел на шепот, предназначая свои слова только для Стивена. – Мой дорогой. Уимберлей, откуда ты взял, что она у меня есть?

Стивен напрягся. Слова короля напомнили ему, что король Генрих VIII развелся с первой женой и казнил вторую. Он провозгласил себя главой англиканской церкви, разорвав, отношения с Римом, отобрал собственность у монастырей, лишил бедняков земли. А опозорить девственницу не составляло труда для Генриха Тюдора.

– Значит, я ошибся, – тихо ответил Стивен, – но я знаю, что леди Гвинит не захочет выйти за меня замуж.

– Это все из-за твоей запятнанной репутации, – Генрих махнул пустым бокалом. – Дикие попойки, игра в карты, похищения женщин. Сплетни доходят до дворца. О господи, да все девушки в королевстве дрожат при упоминании о твоём имени.

Стивена устраивали такие слухи. Он изо всех сил старался скрыть все, что было в нём положительного, создавая себе плохую репутацию.

– Я человек низких моральных принципов. Таков уж мой характер, и ничего с этим не могу поделать. А сейчас, если вы не против, Ваше Величество, я должен покинуть двор.

С быстротой, удивительной для его возраста и грузной фигуры, король вскочил с кресла. Его толстые пальцы схватили Стивена за ворот камзола.

– Нет, я против, – Генрих приблизил свое лицо вплотную к Стивену, который почувствовал даже запах только что выпитого сухого вина. – Найди себе жену, Уимберлей, и пусть она родит тебе здорового наследника, иначе все в Англии узнают, что ты прячешь в своем Уилтширском поместье.

У Стивена готов был вырваться из горла дикий рев, ему хотелось яростно все отрицать. Но за долгие годы он приобрел железную выдержку. Барон заставил себя промолчать. Как удалось Генриху узнать о его ужасной тайне, и как теперь король использует это?

Усилием воли Стивен совладал с собой и отступил назад. Король разжал пальцы, продолжая на него смотреть. Взгляд короля был полон негодования.

– На колени, Уимберлей.

Ярость кипела внутри, щеки пылали, но Стивен немедленно повиновался.

– А теперь поклянись. Клянись, что будешь во всем повиноваться мне. – Голос короля возвысился. – Поклянись, что ты женишься, если не на леди Гвинит, то на другой.

Приказ прозвучал, и в зале установилась напряженная тишина. Стоя на коленях, Стивен совершенно ясно оценивал ситуацию. Грудь короля тяжело вздымалась в припадке еле сдерживаемого гнева. Вдали замерли последние звуки лютни.

Все придворные застыли, затаив дыхание. Король бросил ему «перчатку», вызывая одного из тех немногих, кто осмелился возражать ему.

Стивен де Лассе был не настолько глуп, ему слишком дорога была собственная жизнь. Годы, проведенные при дворе, научили его избегать открытой конфронтации, отвечать двусмысленно, уваливать от прямого ответа.

– Ваша воля будет выполнена, сир, – четко, чтобы всем было слышно, произнес Стивен, зная, что если пробормочет свое обещание, король обязательно заставит повторить.

Все члены Тайного Совета одновременно испустили вздох облегчения. Они обожали смотреть, как унижают им подобных.

Генрих тяжело опустил в кресло свое большое тело.

– Я верю, что на этот раз ты исполнишь мою волю.

Стивен поднялся с колен. Король коротким кивком позволил ему удалиться. Почти одновременно Генрих начал отдавать распоряжения своим слугам.

– Оседлайте мою лошадь. Я отправляюсь на прогулку.

Стивен покинул Приемный зал, прошел через вестибюль. Затхлый запах держался даже здесь. Сандаловое дерево, горящее в камине, издавало тяжелый запах, от тростниковых ковров исходил запах гниения, поскольку их не меняли месяцами.

Еще до аудиенции у короля Стивен попросил приготовить ему лошадь, чтобы сразу же уехать. Грумы из королевских конюшен пообещали подготовить неаполитанскую кобылу и подвести ее к западным воротам.

Стивен быстро прошел через двор мимо восьмиугольных башен. Он чуть задержался под входной решеткой, пики которой были направлены прямо в голову.

Как ему и обещали, оседланная лошадь стояла наготове, под развесистым дубом, недалеко от ворот.

Барон нахмурился, не увидев рядом с лошадью груга. Разве можно оставлять без присмотра такую ценную лошадь? И где, черт возьми, эсквайр Ким, сопровождавший его?

Подняв голову, Стивен вдруг заметил какое-то движение около лошади. Быстрая тень метнулась к ней.

Какая-то грязная цыганка пыталась украсть его лошадь.

Юлиана⁶ не могла поверить своему счастью. Ей крайне нужна была лошадь для продажи на ярмарке в Раннимеде. Для этого она перебралась через реку на территорию дворца. Когда девушка ползла под буковыми деревьями, поглядывая на поблескивающие стены и золоченые башенки Ричмондского Дворца, неожиданно появился груг. Он вел такую великолепную кобылу, какую ей вряд ли приходилось ранее видеть. На лошади была серебряная сбруя, марокканское кожаное седло. Если продать эту лошадь, то на вырученные деньги весь табор сможет прожить дней десять.

Павло, ее гончая, напугала груга, и тот моментально скрылся. Юлиана часто пользовалась этим приемом. Англичане никогда не видели борзых и часто принимали огромную белую собаку за мифического зверя.

Девушка оглянулась – нет ли кого поблизости. Двое стражников, одетых в кентские зелено-белые ливреи, стояли у ворот в двухстах шагах от нее. Их взгляды были бессмысленно устремлены вдаль на холмы за Темзой, и они совершенно не обращали внимания на лошадь, спокойно стоящую в тени деревьев.

Юлиана дотронулась до своего амулета – брошь с кинжалом, которую она приколола к внутренней стороне пояса юбки, и осторожно вышла из-за буковых деревьев. Ее босые ноги ступали по влажной упругой траве, дешевые металлические браслеты тихо позванивали на ногах при каждом шаге, длинные юбки, сшитые из разноцветных кусков ткани, скользили по земле.

После пяти лет жизни среди цыган она стала походить на настоящую нищенку и вела себя соответственно, когда это было нужно. Юлиана внешне смирилась с судьбой, но тайная цель продолжала гореть в ее сердце.

Она никогда не забывала своего имени – Ульяна Романова, дочь знатного вельможи, помолвленная с русским боярином. И когда-нибудь, поклялась девушка, она вернется на свою родину и разыщет тех, кто убил ее семью. Она добьется, чтобы убийцы понесли наказание.

Это была неосуществимая мечта для девушки, оставшейся без гроша в кармане. Первые месяцы были особенно трудными для нее. По пути в Англию они с Ласло, который называл себя отцом Юлианы, продавали одежду и драгоценности. По прибытии в Англию у девушки не осталось ничего, кроме броши, украшенной драгоценными камнями, со скрытым внутри кинжалом и девизом семьи Романовых, выгравированном на задней стенке, – «Мечь, верность и честь».

Эта брошь осталась единственным напоминанием о прежней жизни, и она никогда ее не продаст.

Со временем шок от потери близких превратился в тупую боль. Юлиана осваивала новую жизнь с той же решительностью и упорством, с которыми она когда-то обучалась верховой езде и танцам у своих учителей в Новгороде.

Она умела подлечить больную лошадь, скрыть ее дефекты и с выгодой продать гаджо. Девушка появлялась на базарах, умела выглядеть такой жалкой и грязной нищенкой, что люди давали ей деньги, только бы избавиться от нее. Юлиана научилась проделывать на лошади

⁶ Юлиана (латинский вариант имени Ульяна) – так стали называть героиню в Англии.

трюки, от которых захватывало дыхание, затем она с обольстительной улыбкой подбирала брошенные восхищенными зрителями деньги.

Так жизнь, возможно, протекала бы и дальше, если бы не Родион.

Мысль о нем заставила девушку вздрогнуть. Этот молодой, по-своему красивый цыган не спускал с нее глаз. Сидя у костра, он испепелял ее властным и жестоким взглядом.

Вчера вечером случилось неизбежное – Родион предложил ей выйти за него замуж. Ласло советовал Юлиане принять предложение Родиона. В отличие от нее, Ласло давно уже отказался от мысли вернуться на родину.

Но нет, Юлиана не откажется от своей цели.

Намерения Родиона побудили ее искать выход. Пришло время расстаться с цыганской жизнью. Надо было найти способ предстать перед королем и просить его о вооруженном сопровождении для возвращения в Новгород.

Прежде всего необходимо было приобрести достойную одежду: понадобились деньги. Юлиана привыкла воровать продукты с тележек на базаре, при помощи крючка крапа какие-то вещи. Но как достать красивое платье?

Раньше все, что она зарабатывала, у нее отбирали в таборе. Но эта красавица лошадь будет принадлежать только ей.

Улыбка появилась на губах девушки. Ярмарка в городе Раннимеде начинается на рассвете. На такую лошадку быстро найдется покупатель. Когда появятся деньги, она быстро осуществит свой план.

– Сиди здесь, Павло, – прошептала Юлиана.

Огромный лохматый пес бросил тревожный взгляд на хозяйку, но остался лежать, опустив вытянутую морду на передние лапы.

Низко пригнувшись, Юлиана подошла к лошади спереди.

– Ну, ну, моя хорошая, – прошептала она, стараясь не волновать животное, – какая прекрасная лошадка, просто замечательная.

Лошадь перестала щипать клевер у подножия дерева. Ноздри ее раздувались, Юлиана услышала слегка встревоженное пофыркивание. Лошадь повела своими красивыми ушами.

Юлиана тихо щелкнула языком, уши лошади напряглись. Она протянула ей ладонь, на которой лежали две репы, вырванные на чьем-то огороде.

Лошадь жадно съела сырую репу и снова ткнулась в ладонь девушки. Юлиана улыбнулась. Несмотря на свою силу и выносливость, лошади были простыми созданиями, их легко можно было увлечь каким-нибудь лакомством. Очень похожи на мужчин, как говорила Катриона.

Хотя Юлиана сгорала от нетерпения и ей хотелось быстрее скрыться с добычей, она дала лошади еще одну репу и, приблизившись, начала гладить ей шею, бока. И все это время произносила ласковые английские слова, всякую бессмыслицу, которую произносят матери, убаюкивая ребенка. Мгновение спустя девушка почувствовала, что лошадь расслабляется и становится послушной.

Она бросила взгляд на ворота: стражники по-прежнему стояли спокойно, ничего не замечая. Под портиком дворца появился мужчина. Издалека Юлиана видела, что тот был высок, широк в плечах, с волосами рыжеватого цвета.

Полная уверенности в предстоящем успехе, Юлиана отвязала лошадь. Вставив одну босую ногу в стремя, она ухватила за заднюю луку седла, чтобы вскочить в него.

– Стой, воровка!

На какую-то долю секунды голос незнакомца заставил ее замереть. Но в следующее же мгновение Юлиана легко взлетела – будто Бог ей помог – и села в седло. Немедленно она ударила пятками по бокам лошади и издала громкий победный крик.

Лошадь рванула с места, словно стрела, выпущенная из лука. Юлиана наслаждалась ездой, чувствуя под собой прекрасную лошадь. На таких она не ездила с тех самых пор, как они с Ласло убегали из Новгорода пять лет тому назад.

– Как я понял, цыганка украла твою лошадь, Уимберлей.

Стивен был так поражен тем, что женщина скачет на его Каприи, что не заметил, как подъехал король Генрих, окруженный придворными.

– Она далеко не уйдет, – уверенно заявил Стивен и повернулся в сторону конюшни, откуда грум выводил оседланного скакуна. – Подведи быстрее ко мне эту лошадь! – закричал он.

Грум на мгновение заколебался, не зная, что ему делать. Но затем, увидев грозное выражение лица барона, поспешил с лошадей к воротам.

– Предлагаю тебе пари, – Генрих приставил ладонь к глазам и смотрел вслед быстро удаляющейся лошади с цыганкой. Пышные юбки и спутанные волосы развевались на ветру. – Даю сто крон, что ты никогда больше не увидишь своей лошади.

– Договорились, – выпалил Стивен, вспрыгивая на скакуна. Пришпорив коня, он выскочил на открытую дорогу. Копыта громко простучали по мосту. Скакун не обладал слишком быстрым ходом, дыхание его было затрудненным. А Стивену было необходимо догнать Каприю, свою превосходную лошадь. И ему сразу стало понятно, что цыганка была искусной наездницей.

Она быстро проскакала вдоль буковой аллеи. На дороге к ней присоединилась огромная белая собака. Стивен был поражен, что лохматая собака мчалась почти так же быстро, как лошадь.

Он прижался к шее коня. Коричневая глина летела из-под копыт. Цыганка бросила взгляд через плечо и снова ударила босыми пятками в бока Каприи.

Стивену удалось немного сократить расстояние между ними. Чувство уверенности вернулось к нему. Ему нет необходимости догонять эту женщину. Он знал другой способ вернуть назад Каприю. Только необходимо, чтобы лошадь услышала его.

Когда расстояние стало достаточно близким, он приложил пальцы к губам и издал длинный резкий свист.

Лошадь рванула в сторону, поводья выпали из рук цыганки. Каприя резко остановилась, круто повернулась и поскакала назад.

– Нет! – отчаянный крик воровки разнесся по холмистым берегам реки. Она пыталась поймать поводья, но ей никак не удавалось схватить их развевающиеся концы.

Стивен с удовольствием наблюдал за ее тщетными усилиями. Менее опытный наездник безусловно упал бы с лошади и разбился бы насмерть, но ноги женщины крепко сжимали бока лошади.

От ужаса у Юлианы перехватило дыхание, но руки крепко держали гриву коня. Юлиана тщетно пыталась повернуть лошадь или хотя бы остановить ее.

Упрямое создание остановилось, только приблизившись к высокому мужчине. Тот, спешившись, стоял посередине дороги. Схватив поводья, он переложил их в другую руку.

Чувство потери и поражения охватило Юлиану, но она не позволила себе поддаться чувству отчаяния. Еще до того, как ее лошадь полностью остановилась, девушка соскользнула с нее, чтобы убежать.

Но голова ее рванулась назад, Юлиана почувствовала сильную боль и громко вскрикнула. Этот негодяй поймал ее за волосы!

Она стала отбиваться, босыми ногами нанося удары по обутом в высокие сапоги ногам мужчины. Юлиана царапалась, впиваясь ногтями в его шею, уши и куда только могла попасть.

Но Юлиане не пришлось долго сопротивляться. С необычайной ловкостью мужчина связал вожжами ее запястье.

– Ну вот, теперь все, – в голосе его клокотал гнев.

– Павло! Ко мне! – закричала девушка.

Огромная лохматая собака навалилась всем своим телом на ничего не подозревавшего мужчину.

И вдруг воздух прорезал голос Павло, взвизгнувшего от боли. Юлиана изумленно мигала глазами. Каким-то образом мужчине удалось схватить ярко-красный ошейник и скрутить его, не давая собаке дышать.

– Было бы жаль, – заметил он с подчеркнутым равнодушием, – погубить такое великолепное животное. Но я это сделаю, если, ты не прикажешь собаке успокоиться.

Юлиана не колебалась. Для нее Павло был дороже собственной свободы.

– Успокойся, Павло, – сказала по-русски девушка. – Тише, мальчик.

Собака тут же подчинилась, слабо повизгивая. Мужчина ослабил ошейник и отпустил животное.

– Не знаю, кому тебя отдать, шерифу или дворцовой страже.

– Нет! – за время пребывания в Англии Юлиана научилась ненавидеть шерифов. Она бросилась на колени перед незнакомцем и, сложив, как для молитвы, связанные руки, высоко подняла их.

– Господин, я вас умоляю! Не сдавайте меня шерифу!

– Боже мой, встань, – лицо мужчины вспыхнуло от досады, он потянул ее вверх за рукав.

– Я не люблю, когда меня молят о чем-то.

Облегченно вздохнув, Юлиана поднялась на ноги. Боковым зрением она заметила, что от ворот дворца движется процессия, но не смогла отвести глаз от мужчины, поймавшего ее. Он был одет как благородный господин, и вид у него был такой мужественный, что она вспыхнула. Укороченный камзол, белоснежная рубашка с широкими рукавами. Панталоны из красивой ткани туго обтягивали его длинные ноги. Весь костюм был расшит серебряным галуном.

Своей большой рукой он осторожно приподнял девушке подбородок, заставив взглянуть на себя.

– И что мне с тобой делать, – в голосе прозвучали неприятные нотки.

Щеки девушки загорелись еще сильнее, теперь она рассматривала лицо незнакомца: гладко выбрит, что всегда поражало ее, так как русские и цыгане носили длинные бороды, густые волосы пшеничного цвета. Во всем его облике чувствовалась сила и властность.

Страх сдавил грудь Юлианы. Глаза пленившего ее мужчины вызвали чувство тревоги. Они были необычны: бледно-голубого цвета и холодные, как лунный камень. Девушка пыталась заглянуть через них в душу незнакомца и была поражена тем, что увидела. В его глазах светилось удовольствие: он испытывал наслаждение, преследуя ее, и мысль о том, что она может оказаться во власти шерифа, уже не казалась ей такой страшной. Опаснее было остаться с этим грозным лордом.

Но инстинктивно Юлиана чувствовала, что не должна показывать свой страх. Она вздернула подбородок.

– Вы получили назад свою лошадь, это непокорное животное. Почему бы вам не отпустить меня?

Мужчина сжал губы. Возможно, это одна из его сардонических улыбок, решила Юлиана.

– Непокорное? – Задумавшись, он дал лошади что-то, достав это из кошелька, висевшего на его украшенном орнаментом поясе. – Совсем нет, только слишком жадное. Каприя приучена прибегать на свист и получать за это кусочек марципана.

Юлиана непроизвольно повторила незнакомое слово.

– Миндаль с сахаром, – с готовностью объяснил мужчина и протянул ей лакомство. – Хочешь попробовать?

Юлиана отвернулась, отказываясь. Лошадь слизнула с ладони мужчины кусочек марципана.

– Где ты научилась так ездить верхом? – спросил он Юлиану.

Юлиана молчала, не зная, что придумать в ответ. Если она скажет, что цыгане научили ее верховой езде, это может навредить табору, ведь знатные господа не любили цыган. Но, неожиданно для себя, она вдруг сказала правду.

– Меня учили этому в доме моего отца. В Новгороде, в русском княжестве севернее Москвы.

Мужчина приподнял светлую бровь.

– Воровка лошадей, к тому же не в своем уме. Как давно ты сбежала из сумасшедшего дома?

– Нахал и препротивный тип к тому же, – выпалила девушка в ответ.

– Лорд Уимберлей! – мужчина в костюме придворного выехал на дорогу. – Вам удалось поймать воровку?

– Кажется, да, сэра Боудли.

– Ловко сделано, лорд, вы развлекли Его Величество. Но, полагаю, ему не понравится, что он проиграл пари.

– Вот ваша пленница, сэра Боудли, – ответил Уимберлей с насмешливым поклоном и затем посмотрел на Юлиану. – Вы в руках дворцовой стражи.

Сэр Боудли удивленно свел брови.

– Совсем юная девушка? Кажется, цыганка.

Быстрыми резкими движениями он связал ей руки грубой веревкой, вернув вожжи Уимберлею.

На поясе, перехватившем толстый живот этого любителя эля, висели все необходимые приспособления для укрощения пойманных воров: черная плетка, ручные кандалы, путы.

Взгляд Уимберлея остановился на атрибутах жестокости. Глаза его помрачнели, он опустил их, плечи ссутулились.

– Пожалуй, мне пора в путь.

В приступе отчаяния и страха Юлиана окликнула его:

– Неужели все лорды такие трусливые, как вы, сэра?

Спина его напряглась, он быстро обернулся, словно опасаясь укуса насекомого.

– Ты обращаешься ко мне?

– Кроме вас, здесь сейчас нет ни одного трусливого лорда.

Брови его поползли вверх.

– Итак, ты считаешь меня трусом, не так ли?

С опаской Юлиана подняла связанные руки.

– Вы обвинили меня в том, что я украла вашу лошадь, и все же вы боитесь остаться, чтобы посмотреть, как меня накажут. Как наказывают за подобные преступления? Меня повесят? Или, возможно, всего лишь вырвут ноздри, или отрежут ухо, или руку, поскольку мне не удалось украсть лошадь. У настоящего мужчины должно хватить выдержки, чтобы увидеть все это.

Его сильные челюсти напряглись. Он обратился к официальному лицу.

– У девушки будет возможность предстать перед обвинителем в суде?

Юлиана затаила дыхание. Закон всегда против цыган. Ласло вбил эту истину ей в голову. Да, она прожила в таборе пять лет, но ведь она не была цыганкой. У нее благородное происхождение. Ее родственники – великие князья. Она докажет суду свое истинное происхождение, а этот наглый Уимберлей будет на коленях просить у нее прощения.

Громкий звук трубы прервал мысли Юлианы. Из ворот дворца выехала группа всадников – знатных вельмож. Одежда их была еще более роскошной, чем у лорда Уимберлейского. Вельможи окружили их, юноши приподнимались в стременах, чтобы лучше все видеть.

Сэр Боудли перегнулся так низко, что на него было больно смотреть. Даже Уимберлей склонил голову. Юлиана молча рассматривала всех. Она безошибочно определила среди них короля Англии.

Он сидел на чалом скакуне. Седло было огромным, несомненно, специально сконструированным под его большой вес. Английский король был таким же величественным, как великий князь Василий. Как и русские бояре, английский король носил бороду. Вся его одежда, сшитая из золоченой и серебряной парчи, сверкала, мантия была отделана черным мехом из африканской виверры.

– Лорд Уимберлейский, – голос короля был холоден и полон ненависти, – кажется, ты выиграл пари. Я думал, что ты навсегда потерял свою кобылу.

– Пари?

Юлиану охватил приступ гнева. Вопрос касался ее жизни, а король и лорд Уимберлей, оказывается, заключили пари.

– Расскажи, лорд, – сказал король, – что за трюк ты придумал?

– Это не трюк, сир. Я приучил свою лошадь возвращаться на мой свист, под каким бы седоком она ни была. Каприя не только быстронога, но и покорна.

– Какое удивительное животное, – воскликнул один из придворных, прижимая бархатную шляпу к груди.

– Да, это так, Френсис, – заметил Генрих. – Но это не повод для волнений.

Взгляд короля обратился к Юлиане. Его небольшие темные глазки были непроницаемы. Тонкие губы, окруженные рыжей, седеющей бородкой, сжались, затем рот его искривился в усмешке.

– Египтянка. Ты очень ловок, Уимберлей.

Новая волна страха охватила Юлиану. «Египтянками» здесь называли цыган. Англичане считали их преступниками. В некоторых районах страны за ними даже охотились. Это было что-то вроде спортивного состязания с призами для тех, кому удавалось убить или ранить кого-либо из цыган.

– Ваше Величество, – отчетливо и громко произнесла Юлиана, хорошо понимая, что в ее речи чувствуется слабый акцент, – я не цыганка.

Звонкий голос девушки привлек всеобщее внимание. Ее целью было добиться аудиенции английского короля. Конечно, она не предполагала, что обстоятельства могут сложиться таким образом, но ей удалось привлечь его внимание, и она должна воспользоваться этой возможностью.

Генрих громко расхохотался.

– А она еще и говорить умеет! И довольно мило, должен признать. – И он протянул затянутую в перчатку руку, унизанную бриллиантами. – Подойди сюда, девушка.

– Ваше Величество, не надо! – испугалась темноволосая леди, сидящая на коне в дамском седле. – Должно быть, у нее полно вшей и других паразитов.

– Я не собираюсь к ней притрагиваться, леди Гвинит. Я хочу только взглянуть на нее.

С высоко поднятой головой Юлиана выступила вперед. К ее собственному огорчению, ей приходилось страдать от вшей, но в данный момент их было не слишком уж много. К тому же она не могла упустить возможность поговорить с королем. Несмотря на то, что тяжелая веревка тянулась за ней по земле, Юлиана грациозно присела перед королем в реверансе. Ропот удивления пробежал по толпе собравшихся.

Юлиана глубоко вздохнула. Искусству рассказывать она училась у цыган, сидя долгими вечерами у костра.

– Мое имя – Ульяна Романова. В вашей стране меня стали называть Юлианой. Я родилась в Московском княжестве. Мой отец – знатный боярин Григорий Романов из Новгорода.

Краешком глаза Юлиана заметила, как две знатные дамы склонили друг к другу головы и зашептались. Одна из них указала на замерзшие босые ноги Юлианы.

Девушка не обратила на дам внимания и продолжала:

– Это правда, что я пыталась... э... взять в долг лошадь у лорда Уилберфорда, – Юлиана надеялась, что правильно произнесла имя. – Я не знала, как мне поступить, Ваше Величество. Я жертва ужасной несправедливости. Я собиралась просить Вашего покровительства, Вашей защиты. Помогите девушке знатного происхождения.

Тихий смехок раздался среди придворных. Юлиана понимала, что им трудно поверить нищенке в грязном платье, со спутанными волосами, с лицом, запыленным дорожной пылью.

И все же ей удалось овладеть вниманием короля. Нельзя было упускать такой момент.

– Пять лет назад умер великий князь Василий, а русские бояре начали войну между собой. Банда наемников сожгла дом моего отца и убила всю мою семью, – голос ее дрогнул. Прошло пять лет, но ужас и скорбь все еще держали ее в своих тисках, мучая, ночными кошмарами. На мгновение она снова перенеслась в Новгород, вспоминая кроваво-красные блики пожара на снегу, высокие сапоги мужчин, хрустящий снег под их ногами, лезвие ножа убийцы. Она услышала визг собаки, сдавленное проклятие мужчины.

Видение исчезло так же быстро, как и пришло.

– Мне одной удалось спастись, и Бог помог мне бежать в Англию.

– Кромвель⁷! – крикнул король.

Мужчина в темном одеянии, с бледным, чисто выбритым лицом, сошел с коня и приблизился к королю.

– Я здесь, сир.

– Что ты думаешь об этом, сэр Томас? Может ли эта босоногая девушка быть дочерью московского князя или Уимберлей поймал сумасшедшую?

Сэр Томас сцепил свои длинные бледные пальцы.

– Действительно, князь Василий III умер пять лет тому назад, после его смерти между боярами началась борьба за власть. Эти сведения я получил от русского посла.

Ободренная Юлиана энергично закивала головой.

– Тогда вам понятно мое горе. Вы несомненно окажете помощь человеку равного с Вами происхождения.

Король весело усмехнулся. Лошадь под ним заволновалась, будто устав от тяжести его тела.

– Какую же вы хотите поддержку, леди?

– Корабль и надежный вооруженный эскорт: мне понадобится помощь, чтобы привлечь убийц к суду.

Кто-то из придворных не смог сдержать смеха. Остальные с радостью присоединились. Уимберлей скептически поднял брови. Раздосадованная Юлиана совершила невероятное. Связанными руками она сумела достать из-за пояса юбки романовскую брошь с крупным рубином.

– Вот доказательство моей принадлежности к роду Романовых. Мой отец подарил мне эту брошь на тринадцатилетие.

– Это подделка, – заявила леди Гвинит раздраженно.

– Или украдена, – добавил кто-то. – Нам уже известно, что она воровка.

Человек в темном по имени Кромвель обратился к сэру Боудли.

⁷ Кромвель Томас (1485-1540) – лорд – главный правитель Англии с 1539 года.

– Уведите отсюда эту лгунью и повесьте.

Хотя пальцы ее онемели от ужаса, Юлиане хватило самообладания снова спрятать брошь в потайное место.

Цепи ручных кандалов зазвенели, сэр Боудли потянул девушку за собой.

Уимберлей встал у него на пути.

– Отпустите ее, – сказал он.

– Но, милорд...

– Я сказал, освободите ее, – повторил огромный человек, нависая над сэром Боудли. – Она нанесла ущерб лично мне. Я не выдвигаю против нее обвинений, отпустите ее.

Король поглаживал бороду.

– У тебя слабость к женщинам низкого происхождения; Уимберлей?

– От нее нечего ждать, кроме беды, – вмешался Кромвель, в его гнусавом голосе звучало раздражение, – несомненно, барону Уимберлею не стоит так...

– Успокойся, Томас, – король взмахнул рукой и коротко кивнул сэру Боудли, тот только что развязал руки Юлиане. Первым порывом было – бежать от хитрого короля, его двора и особенно от этого страшного человека, державшего ее в плену своего холодного взгляда.

– Что ты скажешь на это, Уимберлей? – глаза его смеялись. – Отпустим девушку, или ты оставишь ее для себя?

Леди Гвинит хохотнула, прикрыв рот рукой. Юлиана молча смотрела на высокого светловолосого лорда. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но она чувствовала, что сомнения разрывают его. Суровое лицо его выражало неприязнь, но к ней или к королю, не могла определить. Юлиана затаила дыхание в ожидании ответа.

Стивен вздохнул, не зная, что сказать. Он хорошо понимал, что любой его ответ будет неправильным.

Придворные засмеялись. Все знали, что фарс устраивался, чтобы развлечь их. Стивен восхитился, с каким достоинством девушка переносила насмешки короля и придворных. Жестокий взгляд черных глаз Генриха приводил в трепет и более смелых людей, и все же она выдержала взгляд короля. Как будто она действительно считала себя равной с ним.

Все говорило Стивену о том, что он должен отпустить девушку, отправить ее к цыганам. Но Стивен совершил непростительную ошибку: заглянул девушке в глаза.

В их сверкающих глубинах он увидел бездну мучений и страданий. Стивен вспомнил хриплые, экзотические модуляции ее голоса, интригующие слова, произнесенные со странным акцентом: Ваше Величество, я жертва страшной несправедливости. Стивен пытался убедить себя, что его это не должно касаться, что ему нет дела до этой немой полусумасшедшей цыганки.

Но другой голос из тайников его сердца говорил иначе.

– Сир, выбор должна сделать сама девушка.

– Нет, – закричал Генрих зло, и снова у Стивена появилось чувство, что он может лишиться головы, – выбор делаю я. Если мы отпустим девушку на свободу, она, несомненно, снова займется воровством. Эта дикарка должна выйти замуж.

Холодок пробежал по спине Стивена. В его ушах снова прозвучал приказ короля: «Я хочу, чтобы ты женился. Если не на леди Гвинит, то на другой».

Генрих был зол, из-за того, что проиграл пари, у него кончалось терпение. Стивен понял, что король нашел новый способ удовлетворить свою злобу.

– Вы, лорд, женитесь на этой девушке, – провозгласил Генрих.

ГЛАВА 2

Придворные, изумленно ахнули, не веря своим ушам. Лорд Уимберлей словно окаменел, Юлиана прижала руки к груди, стараясь унять бешено бьющееся сердце.

– Я не могу выйти за него замуж, – поспешно произнесла Юлиана, стараясь скрыть свой акцент, но когда она волновалась, акцент становился еще заметнее. – Он... он ниже меня по происхождению.

Взрыв смеха сотряс воздух и ожег Юлиану, будто горячие угли.

– Разве вы не слышали, что я вам говорила, – закричала она, – Я – княжна. Мой отец – Романов...

– А мой – римский император, – ответил Кромвель, и его тонкие губы скривились в холодной усмешке.

Сэр Боудли довольно грубо толкнул девушку локтем.

– Будь же хоть немного благодарна, король только что спас тебя от виселицы.

Юлиана замолчала. Выйти замуж за английского лорда? Но это означало отказаться от цели, которая помогла ей не сломаться за эти пять невероятно трудных лет. Это значит, что она не сможет вернуться в Новгород и наказать убийц своей семьи.

Король громко расхохотался на слова сэра Боудли.

– Ничего подобного, мой добрый Боудли. Я просто предоставил выбор Уимберлею. А он предпочел оставить ее в живых.

– Да, я предпочел оставить девушку в живых, – последовал спокойный ответ Уимберлея. Он стоял рядом с Юлианой, его присутствие тяготило ее так же, как надвигающаяся грозовая туча. Светлые волосы лорда растрепались, и она заметила расходящиеся веером морщинки у уголков его глаз. – Но я думаю, милая моя цыганка, скоро мы оба узнаем, что есть вещи похуже, чем смерть.

По спине Юлианы пробежал холодок. Она отвела, взгляд от Уимберлея. Что-то во взгляде тревожило девушку. Возможно, жестокость. Но не только. В его глазах затаился страх.

– Очень глубокомысленно, Уимберлей, – на лице короля играла улыбка. Из всех мужчин в Англии только король мог бы соперничать в роскоши с ее семьей.

Король пристально посмотрел на барона:

– Очень удачный способ выполнить данную мне клятву, лорд. Ты обещал жениться и настаивал на целомудренности. Почему бы тебе не взять в жены египетскую принцессу?

Новый взрыв смеха раздался из окружения короля.

Стивен посмотрел на маленькую дерзкую пленницу. Девушка высоко вздернула грязный подбородок. Ее узкие плечи расправились, руки сжались в кулаки.

Непреклонная гордость девушки, не вязавшаяся с ее рванными юбками и спутанными волосами, заставила Стивена принести себя в жертву.

Выпрямившись и расправив плечи, он окинул холодным взглядом придворных. Все, как по команде, затихли. Стивен проклинал себя за этот поступок, называл себя глупцом. Он не должен был жалеть и защищать эту цыганку.

– Сир, – обратилась к королю девушка спокойным голосом, вы оказываете мне большую честь, полагая, что я подхожу такому знатному лорду, но я не могу выйти замуж за незнакомого мне человека.

– Вас больше устраивает виселица? – спросил король с бесстрастной улыбкой на губах.

Юлиана побледнела, но ни один мускул не дрогнул на ее лице. Стивен, стоящий рядом, заметил, как забились жилки у ее виска. Ему хотелось отвернуться, чтобы не видеть Юлиану. Он не желал быть свидетелем ни ее мужества, ни ее отчаяния. Барон не должен ни жалеть ее, ни – да простит его Бог – восхищаться ею.

Стивен чувствовал себя заблудившимся в лабиринте: искал выхода и не находил. Генрих быстро состарился и стал невыносимым. Он был непредсказуемым, как океанские ветры. Но его страсть к мести оставалась неизменной.

– Лорд Уимберлей, – произнес Генрих величественным тоном, – я предлагал вам в жены красавиц англичанок, богатых, получивших прекрасное воспитание. Вы всем отказывали. Вы не заслужили ничего лучшего, чем цыганскую девушку. Де Лассе никогда не брезговали простолюдинами.

Снова последовал взрыв смеха. Но веселье становилось натянутым. Когда король раздражался жестокими оскорблениями, все боялись, что в следующий раз острое лезвие его гнева обратится к ним. Томас Кромвель откашлялся и сказал:

– Сир, для знатного человека жениться на простой цыг...

– Замолчи, ты, тонконогая пичужка, – обрушился король Генрих на лорда-хранителя печати. – Мужчины гораздо благороднее Уимберлея женились на женщинах низкого происхождения.

«Анна Болейн»⁸, – мрачно подумал Стивен. Эта женщина потрясла монархию до основания, хотя была всего лишь дочерью тщеславного фермера. Развод с Екатериной Арагонской и женитьба на Анне Болейн не были признаны римским папой, что послужило поводом для разрыва с Римом.

Кромвель поморщился, но со свойственным ему апломбом продолжил:

– Все же, думаю, это нужно обсудить с духовенством.

– Мой дорогой Кромвель, предоставь это мне, – Генрих повернулся к Стивену. – Ты сделал свой выбор? Или ты женишься на девушке, или ее повесят за воровство.

– Ей нужно вымыться, – начал Стивен, – и ей понадобятся месяцы, чтобы выучить новый катехизис. И тогда, возможно...

– Нет! Приведите сюда священника! – оборвав попытки Стивена уклониться от свадьбы, король величественно махнул рукой. – К черту всякие запреты и церемонии с обручением. Мы поженим их немедленно.

* * *

Вечер опустился на старый сад у часовни. Придворные шли по пятам за королем, как стая морских чаек, преследующих рыбацкую лодку. Приглушенный шепот растворялся в благоухающем ночном воздухе.

Опустошенная, ничего не чувствующая Юлиана шла вперед, перебирая пальцами колючий тисовый лист. Жесткие края листа кололи ей кончики пальцев. Она представления не имела, о чем говорить с этим незнакомцем. По приказу короля он стал ее мужем.

Стивен де Лассе обернулся к Юлиане. «Стивен». Только во время поспешной, почти тайной церемонии она узнала его имя, ей пришлось произнести клятву пожизненной верности этому высокому неулыбающемуся лорду.

Никто не в силах разлучить тех, кого соединил Бог.

Эти страшные для нее слова, произнесенные священником, продолжали звучать в ее ушах. Интересно, что он ощущал, когда произносились эти слова.

Барон стоял в тени у кустов боярышника. Легкий бриз перебирал его золотистые волосы, подобно пальцам влюбленной женщины. У него было необыкновенное лицо. Юлиане никогда не приходилось встречать подобное выражение, а игра света и тени только усиливали его

⁸ Болейн Анна (1507-1536) – вторая жена английского короля Генриха VIII. Казнена по обвинению в супружеской неверности.

необычность. В глазах Стивена отражался свет, и Юлиана снова увидела в них боль и страх, Застывший, затаившийся страх.

– Он всегда так жесток? – спросила девушка.

– Ты имеешь в виду короля? – Стивен говорил тихо, но голос его звучал отчетливо.

Юлиана кивнула.

– А кто еще манипулирует судьбами людей, как шахматными фигурами?

Уимберлей прижал ладони к железной ограде сада. Какое-то мгновение он стоял молча, рассматривая острые зубцы ограды.

– Он и страстен, и капризен одновременно. Генрих был вторым сыном. Отец его почти забыл. Смерть старшего брата неожиданно сделала его наследником престола, и он ухватился за власть обеими руками, как будто кто-то может отобрать ее. Когда человек такого характера становится королем и главой церкви, следует ли удивляться его жестокости.

– Почему ему доставляет удовольствие мучить вас?

Горькая улыбка коснулась губ Уимберлея, и она поняла, что Стивен не скажет ей правды.

– Твое неудовольствие удивляет меня. Король спас тебе жизнь.

– Я бы предпочла свободу, – заявила девушка.

– Для чего тебе свобода? – Голос Стивена звучал язвительно. – Чтобы вернуться к цыганам, которые используют тебя как прислугу и сделают из тебя женщину легкого поведения?

– А вы, милорд? – резко спросила Юлиана. – Во что вы меня превратите?

Стивен де Лассе подошел ближе, его фигура заслонила ей тропинку. Юлиана не сдвинулась с места, хотя инстинкт подсказывал ей, что нужно бежать от этого человека. Опасность была рядом с ней, на расстоянии протянутой руки.

– Моя дорогая грязнуля, – нежно ответил он, подражая голосу влюбленного, – я только что превратил тебя в баронессу.

Насмешливый тон Стивена уязвил ее гордость.

– И вы предполагаете, что я должна испытывать к вам благодарность, не так ли?

– Но это лучше, чем быть повешенной как воровка.

– Если бы мне вырвали ноздри, это тоже было бы лучше повешения, но это не значит, что я должна быть довольна такой заменой. Почему вы спасли меня? Совершенно ясно, что я вам не нравлюсь.

Смех сотрясал его плечи. Он наклонился к ней, дыхание его коснулось щеки Юлианы.

– Ты очень наблюдательна, моя цыганка.

– Вы не ответили на мой вопрос. Вы похожи на человека, который дорожит своей независимостью, и все же вы бросились выполнять приказание короля, как хорошо обученный спаниель. Почему, мой лорд? Я чувствую, что король нацелил копьё прямо вам в сердце.

Стивен резко вздернул голову, и Юлиана почувствовала, как у него перехватило дыхание.

– Тебе не стоит увлекаться подобными рассуждениями. Мои дела едва ли тебя касаются.

Возмущение и отчаяние охватили ее, сейчас она бы направлялась на ярмарку, мечтая о том, что получит аудиенцию у короля, и тот поможет вернуть ей законные права.

– Меня это касается, поскольку я ваша жена.

– Только формально, – резко возразил барон. – Неужели ты думаешь, что я серьезно отношусь к этой женитьбе? – с холодной, надменностью он окинул ее с головы до ног. – Что я стану выполнять клятву, вырванную у меня по прихоти короля Генриха?

Юлиана сказала себе, что должна благодарить Бога, если этот человек не собирается обращаться с ней как с женой. И она решила не снимать с себя рваную юбку, завшивевший наряд цыганки, поскольку он явно вызывал отвращение у мужа.

И все же чувство уязвленной гордости отравляло ей настроение.

– И я могу свободно уйти, да? – спросила девушка.

Взгляд его, казалось, проникал сквозь изношенную одежду Юлианы, грязную блузку. У нее возникло желание прикрыть грудь руками, спрятаться от его взгляда.

– Ну так что?

– Пока нет. Я отвезу тебя в Уилтшир, пусть король успокоится. Возможно, ему надоест эта шутка. Со временем мы аннулируем этот брак, и ты сможешь вернуться к своим занятиям. Будешь предсказывать судьбу, лазить по карманам, ну и заниматься другими делами, которыми ты занимаешься в свободное от воровства время.

Юлиана стиснула зубы.

– У меня очень много различных занятий. Некоторые из них очень полезные. Проживая в Уилтхаузе...

– Уилтшир, моя ненаглядная. Это в нескольких днях пути.

Она уперлась руками в бока.

– Проживание в Уилтшире не входило...

– Что?

Она не собиралась никому рассказывать о своих намерениях, а этому незнакомцу в особенности.

– Не входило в мои планы, – просто закончила Юлиана.

Барон склонился в низком поклоне.

– Сожалею, что создал вам неудобства. Возможно, вы были бы более счастливы, если бы я оставил вас болтающейся на веревке.

Юлиана ненавидела Стивена в этот момент, он был прав. Хотя ей не хотелось признавать, но он был такой же жертвой короля, как и она.

Девушка тяжело вздохнула. Темнота опустилась на старый сад, на небе зажглись первые звезды.

– А как насчет сегодняшней ночи?

– Мне удалось убедить ответственного за проведение свадебной церемонии не настаивать на ритуале первой брачной ночи.

– А что значит этот ритуал?

– Группа пьяных весельчаков должна была сопровождать нас в спальню и... Ну, неважно. Ты будешь спать одна в моей комнате. Мы с эсквайром Китом разместимся в прихожей. На рассвете будь готова отправиться в дорогу.

И он повернулся, чтобы уйти.

– Мой господин, – Юлиана слегка коснулась его рукава. Сквозь тонкую батистовую ткань она почувствовала его сильное горячее тело, это ощущение испугало ее.

На Стивена ее прикосновение подействовало так же. Глаза его расширились от удивления, он переменялся в лице.

Вспомнив, как давно она не мылась, Юлиана быстро отдернула руку.

– Извините.

– Что ты хотела сказать?

– Я... забыла. – Когда он проводил ее в спальню, она призналась себе, что солгала. Юлиана собиралась поблагодарить Стивена за то, что он спас ее от петли. За то, что взглядом заставил придворных замолчать, когда они собирались позабавиться и посмеяться над ней. За то, что громко и четко произнес свои клятвы в церкви, несмотря на хихиканье дам.

Но выражение отвращения на его лице заставило улетучиться чувство благодарности.

Это была ее первая брачная ночь. Если не считать огромной белой гончей, она была одна. Более одинока, чем когда-либо раньше.

* * *

Словно по приказанию короля, следующее утро было великолепным. Солнечная погода не соответствовала мрачному настроению Стивена. Нужно было тогда позволить этой цыганке сбежать вместе с лошады и дать выиграть пари королю Генриху. Каприя была дорога ему, но не настолько, чтобы потерять свободу.

Он поступил неблагоразумно: позволил какой-то воровке одурачить себя. Попал под чары чистого, обезоруживающего взгляда этой девчонки, так контрастирующего с ее грязным лицом и спутанными волосами.

«Цыганские глаза, – сказал себе Стивен. – Такие же лживые, как и ее цыганская душа».

– Послушай, Кит, – произнес он. Барон сидел в массивном деревянном кресле, обхватив голову руками. – Скажи, что это все – страшный сон. Скажи, что это неправда, и я не связан священной клятвой с дикой полусумасшедшей цыганкой.

Губы Кита Янгблада скривились. Он с трудом сдерживал смех. Кит подал Стивену простой камзол из грубой хлопчатобумажной ткани.

– Это был совсем не сон, мой господин. Король, в обход всех законов, вызвал священника. Так что вы, действительно, женаты на этой странной девчужке.

Стивен поднял голову, потер рукой небритую щеку и затем взял протянутый камзол.

– Почему ты всегда так прямолинеен?

Кит затянул шнуровку камзола.

– Вы подходите ей больше, чем какой-нибудь грубый цыган.

Стивена передернуло. Священник до неприличия быстро провел свадебную церемонию.

– И весь двор наблюдал, как барон Уимберлей соединился с грубой язычницей.

– Мой господин, – спросил Кит, зашнуровывая рукава камзола, – а почему вы не отказались?

Стивен ничего не ответил. Даже Кит не знал правды. Если бы он разозлил короля еще раз...

– Ее бы повесили, – резко ответил он. – А сейчас мы посадим цыганку на лошадь и отправимся домой. Позже я найду способ, как выпутаться из этой истории. А где же девушка?

Юлиана уже сидела верхом и была готова отправиться в путь, когда Уимберлей вышел в парк у реки Темзы.

– Моя стыдливая невеста, – пробормотал он сквозь зубы.

Девушка сидела неподвижно на серой лошади, щеки по-прежнему грязные, глаза широко раскрыты, в них сквозили неуверенность в будущем и боль.

Ее взгляд воскресил в Стивене одно воспоминание. Пятью годами раньше, в лесу он наткнулся на ловушку браконьера, острые зубья западни защелкнулись на задней ноге молодой оленихи. Умиравшее животное взглянуло на него, и во взгляде его было то же выражение мольбы о быстрой смерти. Стивен перерезал горло бедному животному.

– Кажется, – произнес он с насмешливым поклоном, – леди не рада видеть своего молодого мужа.

– Я не испытываю радости от того, что уезжаю невесту куда со своим тюремщиком, – выпалила она. – Я не собираюсь делать вид, что вы мне нравитесь, как и согреть вам постель.

Стивен скользнул взглядом по девушке. Юлиана сидела в седле по-мужски, ее разноцветные юбки задрались, обнажив голые ноги, босые ступни крепко прижались к бокам лошади.

– Да будет тебе известно, – заверил ее Стивен, – у меня очень высокие требования к женщинам, с которыми я сплю. – Злость на короля добавила жестокости к его словам. – Кажется, ты больше подходишь для работы по дому.

Девушка вскинула на Стивена полные ненависти глаза.

– Я не собираюсь заниматься стиркой для гаджо или работать на полях гаджо.

Стивен вскочил на свою лошадь. Он убеждал себя не жалеть эту воровку и лгунью. Она должна быть благодарна ему за то, что он спас ее от виселицы.

– Мне нужно было позволить им повесить тебя, – пробормотал Стивен.

* * *

Во время путешествия в Уилтшир невеста Стивена почти не разговаривала с ним. Она ехала с каменным лицом, похожая на вырвавшуюся из длительной осады пленницу. Ее странная собака бежала все время рядом. Когда они останавливались в придорожных гостиницах, Юлиана ела и пила механически. По ночам она неподвижно лежала на соломенном тюфяке. Собака все время была рядом, и даже когда она спала, животное оставалось бдительным, скалило зубы и рычало, стоило Стивену только взглянуть на Юлиану.

Кит чувствовал напряжение между молодоженами и старался вести легкий разговор, когда они проезжали по холмистой, покрытой лесами местности: «Король отправил послов за границу в поисках новой невесты. При французском дворе вошли в моду спиртные напитки. Стоило мужчине, и тем более женщине, выпить бокал, как они тут же теряли голову. Себастьян Кабот, итальянский мореплаватель, находящийся на службе у английского короля, привез из Новой Испании⁹ дикаря, и это божье создание демонстрировалось в зоопарке».

Поля, огороженные колючим кустарником, наконец, кончились, и они подъехали к древним границам поместья Лунакре. Плечи Стивена болели от напряжения. Он оглянулся назад и увидел знакомую картину: Юлиана скакала совсем рядом с колючим кустарником, подол юбки зацепился за куст, она рванула ее, и кусок ткани остался на кусте.

Стивену это показалось странным. Он знал, что девушка – прекрасная наездница. И все же во время путешествия она ехала неосторожно, цепляясь одеждой, оставляя клочья своих непричесанных волос на колючих кустах.

Девушка была для него так же непостижима, как цыганский язык.

– Поезжай вперед и сообщи о нашем прибытии, Кит, – обратился Стивен к эсквайру. – Пусть скажут на кухне, что мы ничего не ели с самого завтрака и скажи Нэнси Харбут, что баронессе нужна ванна.

Кит кивнул. Чувство облегчения отразилось на его лице, он пустил лошадь в галоп, и столб пыли поднялся за ним на дороге. Стивен пустил коня спокойным шагом, с ужасом понимая, что внесет хаос в свой хорошо организованный мир.

В кустах запел и быстро смолк жаворонок. Тяжелую тишину нарушали только мерный стук копыт и поскрипывание кожаных седел.

Через некоторое время собака цыганки зарычала и помчалась через поле.

– Куда это она припустила? – пробормотал Стивен.

– Учужала что-то, – Юлиана подняла голову. – Наверное, собак. Я тоже их слышу.

Стивен взглянул на горизонт, туда, где по холмам простирались заросли цветущего дрока. Вдали на дороге показался всадник, и Стивен выругался сквозь зубы.

– Меньше всего мне хотелось бы встретить именно его...

Юлиана проследила за его взглядом.

– Кто это?

– Мой ближайший сосед и самый большой сплетник в Уилтшире.

– Вы боитесь сплетен, мой господин?

Стивен не успел ответить, так как Павло напал па шотландских овчарок, сопровождавших всадника. Птицы поднялись в небо, словно темное облако, и закружились над холмами.

⁹ Парагвай, Южная Америка.

Отчасти довольная, что Павло нарушил монотонность путешествия и напряженное молчание, Юлиана сложила руки у рта и прокричала что-то по-русски. Большими прыжками Павло вернулся назад, его пышный хвост развевался, как знамя победы, узкая морда была высоко задрана. Шотландские овчарки в страхе разбежались, а всадник легким галопом приблизился по тропинке, которая шла параллельно основной дороге. Он остановил лошадь и взглянул на огромную собаку.

– Это опасное животное. Его нужно придушить, – проворчал всадник.

– Это животное вполне способно защитить себя, Эджернон.

– Боже праведный, – молодой человек посмотрел мимо Стивена на Юлиану. Он рассматривал ее одежду, спутанные волосы. И девушка рассматривала молодого человека. На нем был прекрасного покроя камзол и плащ для верховой езды, тонкие руки, затянутые в перчатки, держали поводья. Пышные золотые кудри обрамляли удлиненное миловидное лицо под бархатной шляпой.

– Кого, черт возьми, ты привез сюда, Уимберлей?

– Свою большую ошибку, – ответил Стивен де Лассе. – И боюсь, я обречен. Мне не удастся ее исправить.

Обречен? Как будто речь шла о мерине с дефектом, которого ему всучили на лошадиной ярмарке. Юлиана и раньше была не очень высокого мнения о лорде Уимберлее, а теперь и подавно.

– Боже, я совсем забыл о правилах приличия, – продолжал он саркастическим тоном. – Эджернон, эта леди называет себя Юлианой Романовой. Юлиана, это Эджернон Бассет, граф Хэвлок.

Изысканный молодой человек ослепительно улыбнулся девушке. Он снял шляпу с длинными перьями и прижал ее к груди.

– Я очарован, леди Ошибка, – сказал он, весело рассмеявшись.

Юлиане понравился молодой граф. Хэвлок был человеком с юмором, прекрасно воспитан и с хорошими манерами. Он мог бы прекрасно вписаться в круг знатных друзей ее отца. Хэвлок совсем не похож на Стивена де Лассе – воспитанный человек не стал бы так открыто выражать свое сожаление, что женился на ней.

Она благосклонно улыбнулась графу.

– Enchantee,¹⁰ граф.

Светлые брови Эджернона поползли вверх. Юлиана не поняла, что больше удивило его – ее акцент, голос... или улыбка.

– И что привело вас в наши места?

Юлиана хитро улыбнулась молодому человеку, этой улыбке она научилась у младшей сестры Родиона Катрионы.

– Замужество, мой господин.

– О-о, вы хотите выйти замуж за пастуха или за одного из деревенских парней?

Юлиане хотелось подразнить его еще, но Уимберлей нетерпеливо прервал их беседу.

– Она вышла замуж за меня, Эджернон. Но это долго объяснять, поэтому я...

– За тебя? – глаза Эджернона расширились. – За тебя?!

– По приказу короля, – объяснил Стивен, голос его помрачнел, как будто каждое слово давалось ему с трудом. – И, Эджернон, я был бы тебе очень признателен, если бы ты пока никому об этом не рассказывал...

– Не рассказывать? Но ведь у нас скоро бал, Уимберлей, – ответил Хэвлок, широко улыбаясь. – А эта новость слишком необычна, чтобы ее скрывать. Меня не смог бы сдержать даже начальник Тауэрской тюрьмы, нацепив на меня намордник. – Захочет от истинного удоволь-

¹⁰ Enchantee (*фр.*) – здесь: «Рада с вами познакомиться».

ствия, он быстро надел шляпу, пришпорил коня и галопом помчался в ту сторону, откуда приехал.

Уимберлей тяжело вздохнул, зажмурил глаза, потер переносицу. Он произнес незнакомое слово, которое, как решила Юлиана, возможно, относилось к какой-то неприличной функции человеческого организма.

Оставшуюся часть пути Юлиана изо всех сил старалась вести себя спокойно и благоразумно: все же она теперь жена знатного вельможи. Возможно, сможет извлечь выгоду из своего нового статуса. Теперь она баронесса, и это, несомненно, поможет ей отыскать и наказать людей, так жестоко расправившихся с ее семьей.

Глубоко внутри ее все еще мучили воспоминания об Алексее Шуйском, за которого она должна была выйти замуж. Чем больше проходило времени, тем прекраснее в ее мечтах становился образ молодого боярина. Какими бы счастливыми они могли быть, живя в одном из великолепных поместий Шуйских, воспитывая детей среди красоты и роскоши.

Юлиана хмуро взглянула на Стивена де Лассе, который выглядел сейчас как простолюдин. Одежда на нем была самой простой, его золотистые волосы давно нуждались в стрижке. Он лишил ее возможности вернуться в Новгород.

Если только... Смутная надежда мелькнула в ее голове. Король английский присвоил себе право разрешать разводы после того, как провозгласил себя главой англиканской церкви. Когда Юлиана с цыганами впервые оказалась в Англии, все об этом только и говорили. Король Генрих развелся с Екатериной Арагонской, своей испанской женой, чтобы обвенчаться с темноглазой придворной дамой. Даже цыгане были поражены смелостью короля.

Но еще больше их поразила судьба Анны Болейн: смерть на плахе.

И когда вдали возникло высокое здание с башнями и воротами, Юлиана вздрогнула. Англичане, таким образом избавляющиеся от жен, действительно, опасны.

* * *

Нечеловеческие вопли заставили Стивена подняться на второй этаж. Он быстро прошел по террасе, проходившей по всему фронтому дома.

В чем там дело, черт возьми? Они прибыли всего лишь несколько минут назад. Однако ужас, звучащий в голосе женщины, а это был женский голос, означал, что ее, как минимум, убивают.

Стивен быстро прошел мимо портретов своих предков в золоченых рамах. По давней привычке он отвел глаза от последнего портрета, на котором была изображена Мэг. И хотя Стивен старался не смотреть на портрет, он чувствовал на себе взгляд умершей жены. Словно стрела кольнула его в сердце. Не задерживаясь, он поспешил в спальню своей цыганской невесты.

Несмотря на внешне хрупкое телосложение у девушки были довольно сильные легкие. Ее пронзительные крики, возможно, были слышны в деревне за рекой, протекающей по границе поместья.

Стивен остановился в дверях, наблюдая следующую сцену.

Юлиана стояла напротив шкафа, украшенного вырезанными из дерева фантастическими фигурами. Их таинственные злобные лица с высунутыми языками очень соответствовали перепачканному грязью лицу девушки, они будто признавали ее своей.

Старая Нэнси Харбут решительно наступала на цыганку, прижав ее к шкафу. Сколько он себя помнил, Нэнси была частью дома Лунакре, как и этот шкаф, украшенный фантастическими фигурами.

– Отойди от меня, ты, старая висельница! – кричала Юлиана.

Нэнси заметила Стивена и с отвращением указала на рваные юбки и блузку Юлианы.

– Я знаю, что вас заставили жениться, мой господин, но где вам удалось отыскать такую драную кошку?

– Это длинная история, – Стивен внимательно рассматривал Юлиану, ища следы физического насилия. Старая Нэнси непрочь была воспользоваться прутом или плеткой, когда считала это необходимым. – Что у вас здесь происходит?

Ручка шкафа больно врезалась в спину Юлианы, но она старалась не морщиться. Чего можно было ждать от такого человека, как Стивен де Лассе, который вторгается без приглашения в женскую спальню?

– Она пытается меня посадить в эту... в эту... – изображая ужас, Юлиана махнула в сторону ванны, наполненной горячей водой, – в этот колодец.

– Это горячая ванна, которая тебе крайне необходима, – старая Нэнси скривила свое одутловатое лицо. – Господи Иисусе, от тебя пахнет, как от грязного фермера.

Юлиана отпрянула от ванны, хотя на самом деле только и мечтала погрузиться в дымящуюся паром воду. Ванна была придвинута к камину, где стоял котел с горячей водой. На ее поверхности плавали остропахнувшие травы.

Для Юлианы в течение всех этих пяти лет вьезшаяся в тело грязь была защитой от притязаний похотливых мужчин. Ей удавалось держать на расстоянии всех мужчин, за исключением Родиона, и она намерена была вести себя так и дальше.

– Так вот из-за чего весь этот шум, – со смехом произнес Стивен. – Ванна? Я считаю, что изредка ее необходимо принимать, это не причина для паники.

– Не причина для паники? – содрогнулась Юлиана. – Когда-то давным-давно это, возможно, было бы правильно. Но в этой стране я видела, как люди заболели лихорадкой и умирали оттого, что сидели в грязной воде.

– Не следует ли из этого, что ты ни разу не мылась в ванне? – спокойно спросил Стивен.

Юлиана презрительно улыбнулась, прижимаясь спиной к шкафу. Она крепко держала руки на груди, не давая себя раздеть.

– Мой образ жизни не давал мне возможности часто мыться. Я мылась раз в двенадцать месяцев, независимо от того, хотела я этого или нет. Когда я сама решала помыться, я купалась в проточной воде. А не в этой, – она указала грязным пальцем на ванну, – мерзкой грязной ванне, в которой плавает вонючая трава.

– Вонючая трава?! – рявкнула Нэнси, вся дрожа от возмущения. – Это мои собственные целебные травы. Я не какая-нибудь колдунья, как Дженни Фаллоу, которая поила своего мужа мандрагорой, говоря ему, что это увеличивает его мужскую силу и...

– Нэнси, – прервал ее Стивен. Юлиана подозревала, что женщина хотела пересказать какую-то интересную сплетню.

– ... и она сказала, что на короткое время это, действительно, помогло, но...

– Нэнси, пожалуйста, – нетерпеливо перебил Стивен.

– Я продолжу свое дело, мой господин, – она снова взглянула на Юлиану. – Да поможет мне Бог, какая наглая девчонка, – нахмурившись, она уперлась руками в бока и с угрожающим видом наклонилась к Юлиане. – Если тебе нужна проточная вода, иди купайся около мельницы.

– Никогда, – выпалила цыганка. – Я не выполняю ничьи приказы. – Она с силой ударила грязной голый ногой по ванне и расплескала воду. Несколько галлонов воды вылилось на выскобленный с песком дощатый пол. Но не удовлетворившись этим, схватила за край ванну и опрокинула ее.

Нэнси пришлось взывать ко всем католическим святым, прижимаясь к стенке, в то время как поток ароматной воды заливал комнату.

И в то же мгновение Стивен бросился к Юлиане. Ругательство сорвалось с его губ – что-то относящееся к неприличным частям тела – и Юлиана почувствовала, как он поднял ее и быстро перебросил через плечо.

Юлиана завизжала, но все было бесполезно. Она колотила его изо всех сил, за что и заработала шлепок пониже спины.

Стивен быстро прошел мимо Нэнси, схватил на ходу полотенце, кусок щелочного мыла, пузырек с темной жидкостью и быстро направился к двери.

Нэнси бросилась за ним, ее огромная грудь колыхалась.

– Мой господин, осторожнее...

– Я справлюсь с ней, – ответил Стивен. – Она не кусается. Хотя, возможно, и кусается, но я еще ее на этом не ловил.

Когда они вышли через заднюю дверь дома, Павло разразился оглушительным лаем. Юлиана подала команду борзой, но когда она подняла голову, то увидела, что пес привязан к балке.

Плечо Стивена сдавливало ей грудь. Шаги его гулко стучали по земле, он что-то бормотал себе под нос. Ухватившись одной рукой за его спину, Юлиана приподняла голову и увидела, куда они идут, – к реке с быстрым течением.

– Вы не посмеете, – проговорила девушка сквозь зубы.

– Ваши прелести придают мне уверенности, милая. – Замахнувшись ею, как мешком с котятками, которых хотят утопить, он швырнул девушку в поток.

Со ртом, полным воды, Юлиана уже не могла кричать. Холодная вода обожгла ее, но больше всего ее возмутила жестокость человека, за которого она вышла замуж. Юлиана коснулась ногами дна реки, голова ее вынырнула из воды, – в руках она держала кинжал, готовая сражаться.

Стивен не дал ей такой возможности. Прямо в одежде он бросился в воду, вооружившись куском мыла.

Следующие полчаса Юлиана выла, как Павло, когда его сажали на цепь. Она билась о мускулистое тело мужа, сопротивляясь ему изо всех сил, но все было бесполезно, она только наставила себе синяков. Стивен де Лассе был безжалостен. Он намыливал ей волосы, натирал их пахучей жидкостью из каких-то отвратительных трав, скреб и намыливал ее всю, затем опускал в воду, полоща, как полощут белье.

Закончив и даже не взглянув на Юлиану, он повернулся и направился к берегу.

– Полотенце там, – кивнул Стивен головой. – Ужин будет подан ровно в шесть. Поужинаем вместе.

– Я уверена, что мои вши перешли к вам, – прокричала она вслед.

Старая Нэнси почесала пальцем голову под чепцом. Затем тяжело вздохнула, еще раз подумав про себя, что – ее можно считать святой, и сказала:

– Я привела спальню госпожи в порядок, – она подняла покрасневшие от работы руки. – Должна сказать, что это было непросто.

Сдерживая улыбку, Стивен предложил Нэнси сесть на стул с прямой спинкой, и та опустилась на него с важным видом, шелестя пышными юбками. Стивен уже переоделся в сухую одежду и поправлял мокрые волосы.

– Я уж не буду надоедать вам лишними вопросами, мой господин. Пусть сплетники интересуются причинами, с чего это вдруг барон Уимберлей женился на дикарке, – сказала старая женщина с надеждой на то, что имеет право на доверительность со стороны хозяина.

– Благодарю, – Стивен придвинул к себе второй стул и положил руки на его спинку. Он был благодарен, что Нэнси не требовала от него объяснений. И все же понимал, что только она одна знает истинную причину его женитьбы, одна она знает, что меч короля Генриха занесен над шеей Стивена.

– Да, это не мое дело размышлять, почему и отчего вы женились. Это одному Богу известно, а моя бедная голова не в силах понять, как вы попали в такую беду. – Нэнси ждала

огрубевшие руки. – А теперь, когда вы помогли ее вымыть, мой господин, нужно подумать об одежде для цыганки. Но это будет несложно: что ей, дикарке, особенное нужно?

– Она, действительно, кажется тебе дикой, Нэнси? – Спросил Стивен, стараясь не вспоминать, как сражалась с ним Юлиана в реке. – Иногда я замечаю что-то необычное в ее манерах, в разговоре. И это удивляет меня.

– Она – цыганка, мой господин, а всем известно, что цыгане очень хорошие артисты и умеют отлично подражать. – Добрая женщина презрительно усмехнулась. – Как обезьяна, которую я видела однажды. Один моряк привез в Бристоль обезьянку...

Стивен задумался. Нэнси рассказывала свою историю. Он, упершись руками в подбородок, кивал головой, но мысли его были далеко. Стивену вдруг пришло в голову, что он уже восемь лет не заходил на ту половину дома, где находились спальня, примыкающие к ней гостиная и туалетная комнаты. Все это были владения Мэг.

Хотя комнаты быстро проветрили и убрали для новой баронессы, они все еще хранили следы присутствия Мэг: украшенная затейливыми фестонами драпировка над кроватью из бледно-розового дамаска. Кукла с грустными глазами на подоконнике, подсвечник у зеркала, который сделал сам Стивен. На туалетном столике лежала костяная щетка для волос.

Испугавшись нахлынувших чувств, Стивен хмуро уставился в пол. И вдруг он заметил свисающий из-под покрывала кусок яркой веревки. Удивившись, что предмет лежит не на своем месте, он встал, прошел по комнате и поднял веревку.

– Что это такое?

У Нэнси перехватило дыхание.

– Миледи играла с веревочной лестницей в ту ночь...

Стивен резко обернулся к Нэнси. Его ледяной взгляд заставил ее замолчать. Нэнси прижала руку к груди.

– Милая девочка. Она была совсем ребенком.

Воспоминание больно обожгло Стивена, обостряя чувство вины. Он подумал об этой бродяжке, своей невесте, которая вторглась в эти комнаты, будет спать в постели Мэг, пользоваться ее вещами. И как сорная трава, заполонит содержащуюся в идеальном порядке спальню.

Прости меня, Мэг. Прости за все. Чувство раскаяния овладело Стивеном.

– ... сожгу ее одежду, конечно, – говорила тем временем старая Нэнси, как о само собой разумеющемся.

Стивен покачал головой, пытаясь отвлечься от горьких воспоминаний, встал и начал ходить взад и вперед перед окнами.

– О чем ты говоришь?

– О цыганке, мой господин. Ее одежда, несомненно, завшивлена. Самое лучшее – все сжечь.

– Да, но тогда ей нечего будет надеть. О... – он стукнул кулаком по оконной раме. – Я думаю, она примерно одного роста с Мэг.

– Только она не такая пухленькая, как ваша первая жена, мой господин. Но я смогу ушить несколько платьев, если только вы не возражаете...

– Я не возражаю, – Стивен заставил себя не думать о прошлом. – Я не вижу причин, почему цыг... баронесса не может носить платья. Мэг.

– А как насчет горничной для леди, мой господин?

– Ей скорее нужен охранник, а не горничная.

– Я тоже так думаю. Пока вы были заняты со своей женой, я послала в деревню за Джилли Игэн, дочь красильщика.

– Джилли Игэн? – Стивен насмешливо посмотрел на Нэнси. – О, ты шутница, однако. Дочка Игэна размером с быка, и у нее такой же упрямый характер.

Нэнси расплылась в улыбке.

– Уж она-то не потерпит, чтобы какая-то цыганка колотила ее в живот.

Внезапно Стивену надоели все эти разговоры. Отчаяние охватило его при мысли об этой цыганке, его невесте. Решительным шагом он направился к двери.

– Делай все, что считаешь нужным в отношении платьев, горничной и прочего. У меня есть дела поважнее.

Нэнси Харбут понимающе кивнула.

– Мой господин, а что вы скажете вашей новой жене по поводу...

– Абсолютно ничего, – оборвал он резким голосом. – Ни единого намека.

ГЛАВА 3

– Я думаю, что этот оттенок голубого цвета называется вайда¹¹, – раздался слегка насмешливый голос.

– Ой! – Юлиана чуть не выскочила из своей замерзшей, покрывшейся пупырышками кожи. Она отскочила от полированного металлического зеркала и наткнулась на незнакомку. – Ой! – снова вскрикнула она, подняв голову, чтобы рассмотреть женщину. – О Боже, – прошептала девушка по-русски, – моя тюремщица – великанша.

Взгляд Юлианы скользнул от огромных, словно лодки, ступней, обутых в крепкие башмаки на деревянной подошве, до красноватого лица, обрамленного жесткими рыжеватыми волосами. Ростом незнакомка была, наверное, со взрослую тягловую лошадь.

– Я не говорю по-египетски, миледи, – великанша уперлась огромными руками в бока и наклонилась вперед, откровенно разглядывая Юлиану. – Я поняла, вы рассматривали в зеркале оттенок ваших губ после купания в холодной реке. Вот я и сказала, что этот оттенок называется вайда.

– Вайда, – глухо повторила Юлиана.

– Да. Я хорошо разбираюсь в красках. Мой отец – красильщик. Сейчас вы, миледи, вся такого же голубого цвета.

Юлиана запахнула полотенце вокруг замерзшего тела, изумленно моргая глазами. Дело в том, что она совсем посинела от купания в ледяной воде около мельницы. После того как Стивен в последний раз окунул ее в холодную воду, она быстро примчалась в дом, проклиная его на чем свет стоит по-английски, по-цыгански и по-русски. Великанша-людоедка появилась как раз тогда, когда Юлиана рассматривала себя в зеркале, размышляя, станет ли цвет ее кожи когда-нибудь нормальным.

– Кто ты такая? – стуча от холода зубами, наконец спросила Юлиана.

– Джилли Игэн, – женщина неуклюже присела. – Нэнси Харбут говорит, что я буду вашей горничной.

Ее горничная. Юлиана прикрыла глаза, и воспоминания вернулись к ней. Когда она была девочкой, за ней ухаживали не менее четырех горничных, все хорошенькие, как маргаритки, безупречно вышколенные и почти такие же совершенные, как их хозяйка.

– Миледи, – великанша-людоедка прервала ее мысли, – вам нужно быть готовой к ужину. Нэнси приготовила вам одежду.

Джилли подвела Юлиану ближе к горящему камину и раскрутила полотенце на ее голове. Мокрые пряди источали запах целебных трав, которые Стивен использовал, чтобы вывести вшей. Юлиана сняла с себя полотенце и надела длинное, прекрасно сшитое платье. Прозрачная ткань была тонкой, как паутинка, и нежно касалась тела Юлианы. Это восхитительное одеяние ни капли не напоминало грубую домотканую цыганскую одежду.

– Это платье принадлежало первой баронессе, – заметила Джилли, поправляя подол платья.

– Матери лорда Уимберлея? – поинтересовалась Юлиана.

– О Боже, нет. Его мать умерла более двенадцати лет назад. *Первой* жене лорда Уимберлея.

Юлиана замерла. Ей в голову не приходило, что Стивен де Лассе был женат раньше. У него уже была жена. А сейчас Стивен вдовец. И это известие кое-что объяснило ей: грусть, таящуюся в его глазах, враждебное отношение к Юлиане, мрачную молчаливость, вспышки раздражения.

¹¹ Вайда – вид травы, культивировался в Западной Европе как красящее растение.

Тем временем Джилли помогала ей надевать шелестящую нижнюю юбку. Задумчивость охватила Юлиану. Какая красивая юбка, какая тонкая и изящная. И все же сомнения вернулись к ней. Если она станет носить красивые платья, Стивен может заметить, что она женщина.

– Где моя одежда? – с вызовом спросила девушка.

– Старая Нэнси сказала, что ее невозможно отстирать, что там кишмя кишат всякие насекомые, поэтому она и приказала сжечь вашу старую одежду.

– Нет! – Вырвался крик у Юлианы, ее охватила паника. – Я должна найти одежду. Там моя...

– Безделушка, миледи? – Джилли подошла к столу, взяла брошь и подала девушке. – Я заметила, что она была приколата к поясу с внутренней стороны юбки. Я подумала, что, возможно, эта вещица вам дорога.

Юлиана облегченно вздохнула. Надежда согрела ее. Кто знает, возможно, этой великанше-людоедке она станет доверять. Может быть, она будет единственным человеком, пока... Она вспомнила, как оставляла по дороге сюда следы...

Цыганская вурма – кусочками ткани, ниток помечала она свой путь в Уилтшир. Поторопись, Ласло.

Благословляя эту женщину, спасшую ее от собственной глупости, Юлиана взяла брошь.

– Спасибо, – ей начинала нравиться эта огромная женщина. Юлиана успокоилась и решила отказаться от своих цыганских привычек. Ее план – обратиться к королю Генриху за помощью – рухнул, но, возможно, Стивен де Лассе поможет ей. Хватит ли ему смелости, и что он предпримет, чтобы избавиться от нее?

– Джилли, – задумчиво спросила она, – ты можешь причесывать волосы?

Горничная усмехнулась.

– Да я рождена для этого, миледи. Я вас так причешу, что молодой муж не узнает вас.

* * *

– Ну, Уимберлей, – сказал Джонатан Янгблад, – хватит таинственности. Как она выглядит? Что из себя представляет?

Стивен прикрыл глаза, молча проклиная болтливую Хэвлока, затем открыл их и посмотрел на своего лучшего друга. Джонатан развалился в резном деревянном кресле на противоположном конце длинного стола. Он был старше Стивена на десять лет. Он расплелся от спокойной жизни. Жесткие седеющие волосы обрамляли лицо, изборожденное шрамами, оставшимися со времени войны с Шотландией. Одет он был как простой крестьянин, так как никогда не следил за модой. Поклонник старины, Джонатан Янгблад терпеть не мог надушенных, манерных джентльменов, кои преобладали при дворе Генриха.

Его карие глаза излучали доброту. Бог послал ему дюжину крепких сыновей, и Джонатан отправил одного из них – Кита – жить со Стивеном, полагая, что парень сможет скрасить бездетную жизнь барона Уимберлея.

Если бы он знал правду... Стивен отбросил эту мысль.

– Я не хочу ничего сейчас тебе рассказывать, увидишь сам.

– Ну хоть намекни.

Стивен вздохнул, отпил глоток мальвазии¹² из бокала и снова поставил его на стол. Звон бокала эхом разнесся по высокому залу с задрапированными окнами. Стол был прекрасно сервирован. На фаянсовой посуде лежали изысканные закуски. В серебряных, до блеска начищенных подсвечниках стояли тонкие свечи. Легкий ветерок из высоких узких окон слегка колебал их пламя.

¹² Мальвазия – вино.

Принцы, ученые и представители высшего духовенства сживали за этим столом, подумал Стивен. Но еще никогда здесь не сидела бродяжка. О каких уж тут манерах может идти речь.

Тяжело вздохнув, он решил рассказать Джонатану правду.

– Ее зовут Юлиана. Она утверждает, что родом из княжества Московского на Руси. Несомненно, она все это придумала. А на самом деле жила в цыганском таборе.

Глаза Джонатана расширились от удивления.

– Я слышал, что король заставил тебя жениться на чужеземной девушке, но я думал, что это одно из преувеличений Хэвлока. Или прихоть короля.

– Для Генриха это был каприз.

– Король питает страсть к развлечениям в ущерб гордости добропорядочных людей. – Джонатан положил пухлые руки на стол и наклонился вперед. – Итак, что она собой представляет? Черноглазая и страстная? Я слышал, что цыгане горячие люди.

Стивен, нахмурясь, отпил глоток вина из бокала.

– Она довольно... – он задумался, подыскивая слово повежливей, – грубовата.

– О, красавица простушка?

– Не совсем.

– Не простушка? – взгляд Джонатана был направлен мимо Стивена, казалось, он изучал что-то за спиной своего друга.

– Она не красавица, – Стивен вдруг подумал, что плохо представляет, как выглядит его жена под всей этой грязью и спутанными волосами. Она слишком буйно вела себя во время купания, он запомнил только царапающие ногти и красивый рот, исторгающий ругательства.

Ему вспомнилось, что у нее темные волосы, заплетенные в две толстые косы, перепачканное грязью лицо, хрупкая фигура в бесформенных лохмотьях.

– Ее внешний вид едва ли что-то значит для меня. Я намерен избавиться от нее, как только королю наскучит мучить меня.

– Понимаю. – Смех искрился в глазах Джонатана, губы его растягивались в улыбке, хотя он изо всех сил старался сохранить серьезность.

– Да. Грязная девушка, которую нужно долго отмывать.

– Спасибо большое, мой господин, – раздался голос с легким акцентом за спиной Стивена. – Вы дали мое полное описание.

Джонатан еле сдерживал смех.

Цыганка. Когда она вошла? Все ли она слышала?

Медленно, не выпуская из рук бокала, Стивен встал и обернулся. Пальцы его разжались, бокал упал на стол, вино разлилось на полированную поверхность. Пораженный, он молча смотрел на Юлиану.

На ней было платье и юбка из бледно-розовой парчи с высокой талией, на плечах – накидка с длинным шлейфом. Глубокий квадратный вырез лифа приоткрывал грудь – прекрасная розовая кожа, манящая, как спелый персик.

Если бы не ее живые зеленые глаза, он не смог бы узнать Юлиану. Следов грязи и сажи не осталось, и взгляду предстало утонченное нежное лицо, расцветшей, как роза весной, девушки.

Джилли Игэн сотворила чудо.

Отказавшись от обычных, модных в то время высоких французских причесок, Джилли оставила волосы девушки распущенными, украсив их простой атласной лентой золотистого цвета. Бесконечно длинные, с каштановым оттенком, великолепные волосы волнами спадали ей на спину. У Стивена возникло желание прикоснуться к ним руками.

Если бы я мог сейчас коснуться ее, подумал Стивен, я прильнул бы к ее волосам. И внезапно понял, что на этом бы не остановился.

– Должно быть, вы леди Юлиана, молодая жена Стивена, – Джонатан поспешил встать, отодвинув стул. Он низко поклонился. – Я сэръ Джонатан Янгблад из соседнего поместья Литтон Маунт.

– Enchantee. – Тонкой белой рукой Юлиана отбросила блестящий локон мягких волос. К лифу платья была приколотая большая брошь, которую она предъявляла королю Генриху. Девушка улыбнулась. Щеки ее пылали. – Кажется, мой муж развлекал вас своим остроумием, он необыкновенно обаятелен.

В ее голосе слышалась обида, и Стивен ненавидел себя за то, что ему это небезразлично. Он ранил ее своими словами. Почему это должно волновать его?

Юлиана открыто посмотрела в лицо мужа, склонив голову, приветствуя его.

– Le bon Dieu vous Le rendra¹³.

Ее французский был безупречен. Бог воздаст вам за это. И он не сомневался в том, что так и будет.

Стивен подошел к Юлиане, взял ее за руку и провел к столу. Пальцы ее были прохладными и сухими. Девушка двигалась с удивительной грацией. За столом она вела себя совершенно свободно.

Слуги подавали блюда в обычном порядке: речная форель и салат, паштет из оленины, темный ржаной хлеб, холодный пудинг и свежий сыр. Юлиана принимала подаваемые блюда с неожиданным достоинством, из вин выбрала мальвазию. Слуге она шепнула:

– Добавьте вина господину.

Стивен почти не ощущал вкуса блюд, механически проглатывая пищу.

Он не мог оторвать взгляда от своей жены. Манеры Юлианы поразили его. Где она научилась правильно пользоваться ножом, вилкой, с таким изяществом подносить ко рту вино? Боже мой, а как она отдавала распоряжения слугам!

Всем известно, что цыгане очень хорошо умеют подражать... Как обезьянка... Слова Нэнси Харбут зазвучали в его голове.

Но это не ответ. Это невероятно. Стивен почти не вслушивался в грубовато-добродушные вопросы Джонатана и негромкие ответы Юлианы. Изумление не покидало Стивена, и он молча наблюдал за своей женой.

Стивен ожидал, что грубую цыганку поразит роскошь его дома, украшенного предметами искусства: картины, изображающие сражения, в которых участвовали его предки, богатая церковная утварь, добытая в боях его отцом, а также его собственные трофеи, привезенные из походов.

Напротив, она почти не интересовалась тем, что ее окружало. Казалось, что роскошная посуда, венецианское стекло, произведения искусства, вышколенные слуги – все это не было чем-то удивительным для нее. Как будто ей и раньше приходилось жить в такой роскоши.

«Чепуха, – убеждал себя Стивен. – Возможно, все сокровища были чужды ей, и она просто не представляла себе их ценность».

Он заставил себя вслушаться в то, что говорил Джонатан.

– Вы рассказали очень занимательную сказку о своем прошлом, леди, – сказал его друг.

Юлиана попробовала салат, затем провела тонким пальцем по краю стеклянной чашки для ополаскивания пальцев. На какое-то мгновение взгляд ее опечалился. Грусть Юлианы была так сильна, что у Стивена перехватило дыхание.

Затем взор ее прояснился, и она соблазнительно улыбнулась Джонатану.

– Это совсем не сказка, мой господин. Это абсолютная правда.

Стивен с трудом подавил приступ смеха. Неудивительно, что этих цыган считают жуликами. Они очень хорошо умеют лгать.

¹³ Бог воздаст вам за это.

– Неожиданный брак с лордом Уимберлеем, должно быть, был для вас серьезным испытанием.

– Конечно, – признала она, кокетливо пожав плечами. – Признаюсь, что чувствовала себя леди из Риги.

– Из Риги?

– Небольшое княжество к западу от Новгорода. Моя старая няня любила рассказывать эту историю. Одна леди из Риги оказалась на спине тигра. После того, как она его оседлала, у нее уже не осталось другого выхода, как скакать на нем, потому что если бы она попыталась соскочить, он съел бы ее живьем.

– Итак, вы сравниваете свое замужество со скачкой на спине тигра. – Джонатана разве селило это сравнение. – Очень занимательная сказка.

Стивен отвел взгляд от Юлианы, боясь, что их притягивающее очарование смутит его. Да, он будет игнорировать эту иностранку, будет игнорировать ее ослепительную красоту. Он будет игнорировать завораживающую улыбку Юлианы, ее низкий голос, ее занимательные рассказы.

Иначе ему придется снова испытать невыносимую боль.

Стивен молча закончил ужин, затем вышел проводить Джонатана.

– Девушка очаровательна, – сказал Джонатан.

Они стояли в темном дворе, ожидая, когда Кит приведет лошадь. – Скажи мне, Стивен, где могла цыганка научиться таким манерам?

– Я не знаю. Меня это не волнует.

– С ней очень интересно, она просто завораживает.

– Ядовитая змея тоже завораживает, – заметил Стивен. – А вот и Кит.

Они смотрели, как высокий крепкий парень вел за узду лошадь Джонатана.

– Ты очень хорошо относишься к моему сыну. Я не мог уделять ему достаточно внимания.

– Здесь ему хватает внимания, – ответил Стивен, и привычная боль вспыхнула внутри.

– Кит очень сообразительный и быстро овладевает всем, чему я его учу, – он улыбнулся через силу, – хотя, я полагаю, его интересует не только это. Парень со вздохом смотрит вслед каждой горничной, каждой поварихе.

Джонатан засмеялся.

– Надеюсь, ты научишь его целомудрию, Стивен. Мне бы не хотелось, чтобы он стал отцом раньше времени.

– От меня он ничему плохому не научится, – Стивен наблюдал, как Джонатан, попрощавшись с Китом, скакал по лугу.

Целомудрие. У Стивена была репутация самого распутного лорда, часто посещающего винные погребки в Бате, публичные дома Бристоля, игорные дома в Саутварке.

Собственная репутация Стивена не волновала, он был только рад, что девушки на выданье не интересовались им. А теперь, когда в его жизнь вошла Юлиана, он не знал, как ему удастся поддерживать столь усердно создаваемую им самим репутацию повесы.

Стивен еще долго оставался в саду. Нежный аромат наперстянки и жимолости наполнял воздух.

Свежие весенние запахи окутали его, он постоял у фонтана, пытаясь привести в порядок свои чувства. Каменный бассейн все еще хранил дневное тепло.

Стивен опустил руки в фонтан, пытаясь найти способ навсегда избавиться от всех чувств и эмоций. Весь он был словно каменная скала, нагретая солнцем, сохраняющая тепло даже ночью. Стивен не мог забыть улыбки Юлианы, хотя он не должен был думать о ней.

Солнце зашло за горизонт. Еще несколько минут, и надо будет возвращаться в дом.

Вздвигнув, он повернулся и пошел к входной двери.

Юлиана стояла у входа в зал, ожидая Стивена. В одной руке она держала свечу. Рассеянный свет свечи придавал золотистый оттенок ее ресницам и волосам, бросал причудливые тени на открытую глубоким декольте грудь.

«Боже Всемогущий, – подумал Стивен. – Неужели Джилли не знает, что леди должна носить шелковое нижнее белье?»

Под вырезом платья была приколоты брошь, украшенная драгоценными камнями. В самом центре броши сверкал темный рубин, словно свежая кровь.

– Чем вы обычно занимаетесь после ужина, мой господин? – тихо спросила Юлиана.

Ее вопрос застал Стивена врасплох. Но он взял себя в руки.

– Иногда я не прочь переспать с девушкой или двумя. – Сузив глаза, он окинул ее взглядом. – А еще лучше с тремя.

Юлиана прикусила нижнюю губу.

– Я не верю вам.

– Ты ничего не знаешь обо мне.

Она грациозно повела плечами.

– Это не моя вина. Я заметила, что рядом с моей спальней находится музыкальный салон. Я могла бы поиграть для вас.

– В коллекцию инструментов не входят цыганские колокольчики и гитары, – Стивен заметил, как изменилось выражение ее глаз. «Я вынужден причинять тебе боль, Юлиана», – подумал он, испытывая желание все объяснить ей и понимая, что нельзя этого делать. Проявлять доброту к этой девушке было бы большой жестокостью.

* * *

Юлиана, сладко потянувшись, открыла глаза. Она с недоумением посмотрела на роскошный балдахин над кроватью, на шелковое теплое одеяло, отделанное мехом.

Еще не проснувшись окончательно, Юлиана представила себя в детской в Новгороде. Вот она ожидает, когда Светлана, ее горничная, внесет поднос с чашкой теплого молока с медом и хлеб с острой, домашнего приготовления, колбасой.

Видение исчезло, и Юлиана приподнялась на локти, окончательно проснувшись. Луна-кре-Холл. Она находилась в доме знатного вельможи, а не на тюфяке под деревом, не тряслась в отсыревшей повозке Ласло, переезжая из города в город. Девушка лежала в незнакомой комнате, и комната эта когда-то принадлежала жене лорда Уимберлея.

Интересно, как выглядела первая баронесса? Любил Стивен ее или ненавидел? Был к ней также безразличен?

Не она ли превратила Стивена в холодного вспыльчивого человека, или он всегда был таким?

Юлиана решила, что должна это узнать. Она начнет с распросов Джилли Игэн.

Прохладный утренний ветерок проникал через раскрытое окно. Юлиана позвала горничную. Ожидая ее, она задумчиво гладила рукой Павло и прислушивалась к звукам просыпающегося дома: голос девочки, пасущей гусей, звуки открываемых ставень, кудахтанье кур, голоса из пекарни. Через несколько мгновений Джилли вошла в комнату, неся в руках поднос.

– Значит, вы уже проснулись, – весело произнесла она, опуская поднос на игровой столик овальной формы. – Доброе утро, миледи. Проголодались?

– Да, как всегда, – призналась Юлиана, отбрасывая стеганое одеяло. В эти пять лет жизни с цыганами ей часто приходилось ложиться спать голодной. Не всегда попрошайничество и воровство бывали удачными.

Джилли открыла шкаф и достала длинный халат из тонкой шерстяной ткани. Юлиана продела руки в широкие рукава, от халата исходил запах лаванды.

– Неровно покрашено, – пробормотала Джилли, расправляя складки халата. – Мой отец лучше красит, когда у него бывает работа.

– А что, у красильщика не всегда бывает работа? – Юлиана рассматривала коричневую жидкость в чашке.

– Было время, когда чаны с краской кипели день и ночь круглый год. Но теперь этим ремеслом стали заниматься в городах: Бате, Сэлсбери и даже в Лондоне.

Юлиана пригубила напиток. Это оказался слабый эль. Пить эль так рано утром ей вовсе не хотелось. Затем она откусила кусочек хлеба из муки грубого помола. Хлеб был суховат, она с трудом его пережевывала. Надо будет взять под контроль выпечку хлеба.

Как бы невзначай она поинтересовалась у Джилли;

– А прежняя баронесса не опекала местных ремесленников? – Девушка крошила пальцами кусочек хлеба. – Красильщиков, мельников и прочих?

– Нет. – Джилли смотрела на свои большие красные руки. – Леди Маргарет, кажется, никогда не задумывалась о подобных вещах.

Маргарет. Ее звали Маргарет.

– Понимаю. А чем она интересовалась?

– Я точно не знаю. Модные вещи, музыка, вышивание, иногда игра в карты. – Джилли всплеснула руками. – Боже мой, я забыла принести вам воды для умывания. Я сейчас вернусь. – С необыкновенной проворностью она покинула спальню. Вернувшись с кувшином теплой воды, Джилли уже не склонна была продолжать беседу.

Юлиана не стала настаивать. У нее здесь не было друзей, поэтому она не хотела портить отношения с единственным человеком, с которым могла поговорить.

Джилли помогла ей надеть платье бледно-персикового цвета.

– Вчера Нэнси сидела допоздна, подгоняя платье под вас. – Джилли отступила назад, оглядывая хозяйку. – Сидит отлично.

Но Юлиана уловила в ее голосе какое-то сомнение.

– Что-то не так?

– Послушайте меня, конечно, не мое дело указывать вам...

– Джилли, – Юлиана четко выговорила ее имя, – ты должна всегда говорить мне все, что думаешь.

Конечно, негоже завязывать уж слишком дружеские отношения с прислугой. Но в теперешнем положении ей очень нужен союзник.

– Этот цвет не совсем вам идет, миледи, – выпалила Джилли. – К вашему цвету волос, розовым щечкам и губкам больше подошли бы яркие тона.

– Ну тогда перекрой мои платья, – просто сказала Юлиана.

У Джилли челюсть отвисла от удивления.

– Правда?

– Конечно. Скажи отцу, что я с радостью заплачу столько, сколько нужно.

– О, миледи, вы...

Во дворе что-то загрохотало, и Юлиана, а за ней и Джилли поспешили к открытому окну. Во двор дома въезжала большая повозка, груженная корзинами и коробками странной формы.

– Что это? – спросила Юлиана.

– Доставка товаров. Господин всегда заказывает товары в Лондоне. – Джилли вздохнула, подперев руками подбородок. – Мир такой большой, – задумчиво заметила она, – как было бы интересно увидеть мир. Я никогда не уезжала из нашего графства.

– Никогда? – Одна только мысль об этом заставила Юлиану почувствовать себя беспокойно. – Как-нибудь я расскажу тебе кое-что. – Она поспешила к двери. – А сейчас нужно принять гостя.

Часом позже Юлиана стояла на солнечной веранде и смотрела в окно в яблоневый сад, огороженный высокой кирпичной стеной. Майский сад был весь в цвету. Лунакре – странное и прекрасное место. Нужно будет лучше рассмотреть этот дом. Каждое крыло дома заканчивалось фронтоном, вокруг дома располагались крытые галереи и зубчатые парапеты. И территория вокруг дома также была необычной. Юлиана уже успела заметить, по крайней мере, три отдельных сада, огороженных стенами. Вдали, на западе, угрожающе темнели леса. Ухоженные цветники террасами спускались к реке. Она села на подоконник, подтянула колени к груди и подставила лицо солнцу. Да, поместье было странным и в то же время прекрасным, как и его хозяин. Давным-давно бабушка рассказывала ей сказку о Ставре, заколдованном принце, которого заточили в лесном царстве. Спасти его мог только поцелуй принцессы, полюбившей его.

– Что, черт возьми, ты здесь делаешь? – раздался в дверях гневный голос.

Юлиана замерла. Ей стало стыдно. Оказывается, она сидела с закрытыми глазами, прижав пальцы к губам, представляла в грезах волшебный поцелуй. Стараясь сохранить достоинство, она соскочила с окна и поправила юбки.

Стивен, одетый в те же самые короткие штаны и камзол, в которых был накануне вечером, стоял в дверях. Легкая золотистая щетина покрывала щеки и скулы, смягчая резкие черты его лица.

Светлые волосы были слегка взлохмачены, будто он водил по ним своими длинными пальцами. Эта небрежность придавала ему соблазнительное очарование, от чего дыхание Юлианы участилось, а щеки вспыхнули.

Юлиана вдруг поняла, что Стивен не ложился спать этой ночью, и это неприятно поразило ее. По-видимому, он развлекался с одной из тех девушек, о которых так многозначительно намекал прошлым вечером.

Юлиана постаралась погасить тревогу в душе. Если он привык кутить каждую ночь, то это его дело. Глупо было бы переживать из-за этого.

– Моя дорогая, – сказал барон мрачным голосом, – ты не ответила на мой вопрос.

– Привезли товары из Лондона, – она указала на широкий низкий стол, – я приняла их и отправила возницу на кухню поесть. Мой госп... Стивен, – она отважно произнесла его имя, – для чего все эти вещи?

– Это тебя не касается. – Плечи его были напряжены, глаза холодны и непроницаемы. – Ты можешь идти.

Юлиана решила не обращать внимания на крутой нрав барона. Вместо этого она достала из шкатулки костяной свисток и дунула в него.

– Что это? Для пастухов, наверное? – Прежде чем Стивен успел ответить, Юлиана сняла легкую накидку с клетки, в которой сидела ярко-красная канарейка. – А это что... дополнение к вашей голубятне? – Затем она начала листать небольшого формата толстую книгу с яркими иллюстрациями. – Я не очень хорошо читаю по-английски. Может быть, вы расскажете мне, о чем эта книга? А это что? – Она потянулась за коробочкой, сделанной из разных кусочков дерева.

Сильная мужская рука вырвала у нее коробочку.

– Ты закончила? – произнес Стивен угрожающим тоном.

– Эти детские игрушки... – сказала она, стараясь не показывать страха. – Я только хотела спросить...

Стивен зашагал по веранде, поднимая сапогами пыль с пола.

– Я увлекаюсь изобретательством. И мне интересно изучать изобретения других. Не надо искать какой-то другой смысл в этом.

– Понимаю, – Юлиана, действительно, понимала. Несомненно, игрушки предназначались для детей из соседней деревни. У Стивена де Лассе, такого сурового с виду, золотое сердце.

Испытывая желание поозорничать, она взяла маленькую тростниковую дудочку и подула, закрывая пальцами дырочки, чтобы разнообразить звук.

– Перестань, – Стивен пересек комнату и остановился рядом с Юлианой, глядя на нее сверху вниз.

Девушка продолжала играть на дудочке. Пусть лучше он на нее разозлится, чем терпеть его холодное безразличие. Она наиграла мелодию старинной русской песни о вишневом дереве.

– Перестань, – повторил Стивен, но она опять проигнорировала его слова. Было что-то волнующее в его близости и в странном неуверенном выражении лица.

– Черт возьми, Юлиана, – он схватил за запястье и поднял ее руку вверх.

И внезапно она ощутила его близость. Еще никогда она не находилась так близко к своему мужу. Девушка слышала его дыхание у своей щеки. Он стоял настолько близко к ней, что она уловила запах его одежды. Настолько близко, что Юлиана видела морщинки, веером расходющиеся от светлых глаз.

Она смотрела на него, чувствуя, как бешено бьется ее пульс под его крепкими пальцами. И внезапно Юлиана поняла: он тоже поражен, его тоже охватил жар. И он тоже все понял.

«Что понял?» – спросила она себя. Он понял, что испытывает к ней влечение. Эта догадка пронзила ее сердце, словно стрела, выпущенная из лука.

– Стивен? – прошептала Юлиана.

Какое-то мгновение он, казалось, был в нерешительности, охваченный тем же невыносимым напряжением.

Его четко очерченные, не улыбающиеся губы скривились, он наклонил голову, золотистые волосы упали вперед и почти коснулись бровей Юлианы.

Ближе, еще ближе, они уже ощущали дыхание друг друга на своих губах. Юлиана замерла в трепетном ожидании. Внезапно Стивен вырвал дудочку из рук девушки и быстро отступил назад.

– Я сам распакую свертки, – резко произнес он. – Тебе не стоит этим заниматься. И впредь, баронесса, знайте: товарами и почтой буду заниматься я сам.

И он быстро покинул веранду.

Юлиана подбежала к двери веранды и осторожно выглянула.

Стивен стоял в узком полутемном проходе, прислонившись к каменной стене. Голова откинута назад, глаза закрыты, зубы плотно сжаты. Его поза выражала такое отчаяние, что Юлиана почувствовала: она вторгается во что-то очень личное и отпрянула от двери.

Сегодня утром ей удалось кое-что узнать о своем муже: он хотел ее. Ему не удалось скрыть это.

Сквозь сон до Стивена донеслись какие-то странные звуки. Кто-то громко рыдал, в голосе слышались ужас и отчаяние. Он не сразу понял, откуда доносится крик. Накануне вечером Стивен выпил много сухого белого вина, чтобы забыть выражение застывшей боли в глазах Юлианы. Сознание медленно возвращалось к нему.

Вот это и случилось. Уже много лет он боялся, что наступит такая ночь. И в то же время страстно желал этого. Наконец кончится невыносимо долгое ожидание и неопределенность. Наконец, он сможет...

– Нет, – отчаянный громкий протест сорвался с его губ. Стивен, отбросив одеяло, соскочил с кровати, босые ноги коснулись холодного каменного пола. – Нет, пожалуйста... Боже мой, не надо... – Стивен схватил кожаные штаны, надел рубашку из батиста и, несколько секунд спустя, уже бежал по темному проходу из своей спальни.

Он надеялся встретить по пути Нэнси Харбут и от нее узнать страшную новость...

Плач раздался с новой силой, и он бросился дальше по проходу в спальню жены.

Сон и похмелье прошли окончательно. Плачет Юлиана, его цыганка-жена, к которой он впервые почувствовал влечение вчера вечером. Два противоположных чувства охватили его: облегчение и раздражение, когда он вошел в спальню Юлианы.

Гортанный крик наполнял всю комнату. Ее верный страж, собака, стояла посреди комнаты и недобро смотрела на Стивена.

Стивен так глянул на нее, что собака отвела глаза, а затем легла на пол, давая ему пройти.

На мгновение Стивен застыл в неподвижности, не зная, что делать. Тусклый лунный свет, как в сказке, струился в открытое окно и падал на красиво задрапированную постель, создавая сказочную атмосферу в комнате.

Юлиана жила в Лунакре только неделю, но ее присутствие уже нанесло отпечаток на владения Мэгги. Приятный аромат лаванды наполнял воздух. Повсюду в беспорядке лежали ее платья и белье, старинная люгня была аккуратно поставлена в угол.

Стивен отметил это сразу же. Он стоял, ошеломленный, оглушенный плачем и стонами, идущими с постели жены.

Хотя она говорила на иностранном языке, сердце его сжималось, так как ему понятен был смысл ее слов. Во сне Юлиана произносила слова, полные глубокого отчаяния и безнадежности. Это была мольба сердца, желающего излечиться.

Моля Бога, чтобы собака не тронула его, Стивен быстро пересек комнату и подошел к постели. Его большая рука коснулась показавшегося из-под одеяла плеча.

Юлиана съежилась, как ребенок, дрожащий на холоде. Девушка крепко обхватила себя руками. Ее вид вызывал жалость у Стивена. Беспомощно выругавшись, он крепко прижал Юлиану к себе. Стивен почувствовал тепло ее тела, бешеное биение сердца, Горячие слезы Юлианы капали на его рубашку.

– Тише, – прошептал он, уткнувшись в ее волосы. Его губы касались шелковистых прядей, он вдыхал их тонкий аромат. – Тише, Юлиана, пожалуйста. Это просто ночной кошмар, и ничего больше. Ты в безопасности.

Она проснулась и вскрикнула от удивления.

– Стивен?

Почувствовав смущение и неловкость, он отстранил ее от себя и посмотрел ей в лицо. Ее глаза были широко раскрыты, щеки мокры от слез.

– Я услышал твой плач, – объяснил Стивен сдавленным голосом, стараясь говорить спокойно – Я хотел успокоить тебя, прежде чем ты разбудишь весь дом.

– О-о, – пыльным рукавом ночной рубашки она вытерла слезы. – И Павло не попытался остановить тебя?

– Этот зверь обожает меня, – солгал Стивен, но затем сказал правду. – Думаю, он понимает, что я не причиню тебе вреда.

Юлиана кивнула.

– Извини, что разбудила тебя.

– С тобой сейчас все в порядке? – Он почувствовал, что ему нужно как можно быстрее уйти из ее спальни. Такая интимность слишком опасна для него – в темной комнате, в постели с Юлианой, нежной и теплой, слегка сонной и такой уязвимой.

– Да, – ответила она, но голос ее был хриплым, большая слеза упала Стивену на руку, когда он поднимался, чтобы уйти. Стивен протянул руку и приподнял пальцами подбородок Юлианы. Он знал: нужно бежать отсюда, но не мог оставить в беде несчастное создание.

– Все прошло, Юлиана. Мы в безопасности. Это тебе приснилось.

– Но я вижу все, как было на самом деле, – прошептала Юлиана. – Я отчетливо вижу все, что произошло той ночью с моей семьей, слышу голоса.

– Какие голоса?

– Я вижу пожар, – девушка задрожала снова, – слышу топот копыт, страшные крики, вижу огонь, вырывающийся из окон...

– Из окон?

– Да, из окон нашего дома в Новгороде. Это дом моего отца, – Юлиана вскинула голову, на лице появилось высокомерное выражение. – Наш дом был настолько великолепен, что Лунакре-Холл, по сравнению с ним, лишь жалкое крестьянское жилище.

Стивен почувствовал некоторое разочарование. Юлиана продолжала фантазировать, чтобы снова выдвигать свои несуразные, невероятные претензии. Еще одна ниточка в паутине лжи.

– Во сне я вижу снег, – продолжала она, не замечая его скептицизма и, казалось, не реагируя, на его прикосновение, его руку, которая гладила ее шею, плечо. – Огонь бросает кровавые тени на снег. И затем – мою семью: все вышли на крыльцо. Вспыхивают лезвия мечей. Мой жених Алексей с кем-то сражается.

Ее жених? Стивен открыл было рот, чтобы спросить об этом Алексее, но она не дала ему ничего сказать.

– Лезвия мечей кажутся красными в свете огня. Мой брат кричит от боли. Первый удар не был смертельным для него, но...

Голос ее задрожал, и она закрыла лицо руками.

– Они рубили и рубили... и сдавленные стоны... пока голоса совсем не стихли. А потом в конце, когда Ласло схватил меня и не пустил... – голос ее оборвался. Казалось, она говорила через силу: – Я увидела, как Алексей упал. Тот, кто всем заправлял, отдал приказ искать меня. И вдруг из темноты выскочил Павло.

– Павло?

Она кивнула.

– Он вырвался из псарни. Это очень умная собака, она самоотверженно защищает своего хозяина.

Стивен убрал прядь волос с лица Юлианы. Какие мягкие у нее волосы, какие душистые.

– Я это заметил.

– Все остальное в моем сне очень запутано. Я вижу, как прыгает Павло. Слышу приглушенные голоса. Ругательства. Рев огня заглушает голоса, слышится ржание лошадей, вой собак. Павло лает, и человек оборачивается. Он не замечает меня, и я жду, хочу увидеть лицо убийцы.

Стивен перестал дышать. Невольно он увлекся рассказом девушки, вместе с ней переживая ужасные события. Сон это или не сон, но рассказ захватил его.

– Ну и что дальше?

Юлиана вздохнула и прижалась лбом к его плечу.

– А дальше ничего. Сон всегда заканчивается одинаково: вспышка пламени, и я просыпаюсь.

– И ты не видишь лица этого негодяя?

– Я всегда просыпаюсь прежде, чем увижу лицо убийцы.

– И часто тебе снится этот сон?

– Сначала, когда после гибели близких я бежала из Новгорода, он снился мне каждую ночь. А теперь не так часто. Но все это – как открытая рана. Я чувствую себя совсем беспомощной. Я все потеряла, – Юлиана сжала руку Стивена. Ее ладонь была прохладной и влажной от пота. – Это ужасно.

– Да, Юлиана, – Стивен погладил свободной рукой ее по голове, прижимая к своему плечу. Он не знал, верить рассказу девушки или нет.

– Мне страшно, Стивен. Раньше всегда рядом был Ласло, он мог меня успокоить. А сейчас я одна. Совсем одна.

– Ты не одна, – неожиданно для себя ответил он. – Я рядом, Юлиана.

При этих словах ее напряженность стала проходить, и это удивило его. Оказывается, простые слова и успокаивающие прикосновения могут облегчить страдание. Он не догадывался об этом раньше.

– Остайся со мной, – прошептала Юлиана, остайся со мной, пока я буду спать.

Ее просьба ошеломила Стивена, и он забыл об осторожности. Не понимая сам, что происходит, он вытянулся на постели рядом с Юлианой. Укрыв одеялом, Стивен крепко притянул ее к себе. Щека Юлианы прижалась к груди мужа, подбородок Стивена легко касался ее головы.

Он убеждал себя, что это ненадолго, только пока девушка успокоится и уснет.

Но прошел час, а Стивен не уходил.

Юлиана мирно спала, ее дыхание касалось его шеи, тонкая рука обнимала его за талию, стройная ножка легла на его бедро.

Стивен старался не думать о том, что он находится в постели с прекрасной женщиной. И женщина эта – его жена. У него есть полное право целовать и касаться ее, скользнуть рукой под ночную рубашку и... Он заставил себя прервать мечты, и это усилие далось ему с болью. Как давно он не касался нежной женской груди. Как давно он не слышал рядом с собой дыхание спящей женщины. Как давно он не испытывал такого жгучего желания.

Юлиана крепко и спокойно спала, а Стивен не мог уснуть: болезненное напряжение охватило его.

Черт возьми! Ему нужно было уйти, как только она проснулась. Какое ему дело до ее слов. Стоит ли успокаивать женщину, на которой женился против своей воли? Он не должен испытывать такое сильное влечение к цыганской девушке.

Чтобы как-то отвлечься от страстного желания, он стал обдумывать ее рассказ. То же самое она рассказывала королю и придворным.

Тогда ее рассказ всем показался плодом цыганского воображения.

Луна освещала комнату, на столике рядом с кроватью что-то сверкнуло. Ее брошь.

Протянув руку, он взял брошь в форме креста. Брошь показалась довольно тяжелой. Жемчуг, украшавший брошь, был гладким и круглым, как стеклянные бусинки. В центре броши находился крупный рубин с многочисленными гранями. И блеск его был таким же таинственным, как и сама Юлиана. Сначала он предполагал, что это подделка или, в крайнем случае, что это не рубин, а гранат, хотя гранат тоже драгоценный камень, но не такой редкий. А сейчас Стивен засомневался.

Он поднял брошь выше, чтобы лучше рассмотреть ее при свете луны, и увидел кровь и огонь: то, что преследовало девушку в снах.

Если это настоящий рубин, тогда она или опытная воровка, или все, что она рассказала, правда, и девушка потеряла семью и состояние в этой трагедии.

Удлиненная часть креста слегка изгибалась в конце, и с внутренней стороны Стивен нащупал крошечный затвор с петелькой. Открыв петлю, он обнаружил, что брошь разделилась на две части. К своему изумлению, он обнаружил внутри крошечный острый кинжал.

Заинтригованный, Стивен рассматривал небольшое лезвие, а затем снова вставил кинжал внутрь. Ощупывая гладкую поверхность броши, он почувствовал в одном месте шероховатость. Повернув брошь к свету и взглядевшись в ее золотую поверхность, он увидел какие-то диковинные знаки или буквы, напоминающие древние письмена. Дрожь прошла по его телу. Брошь вызвала в нем страшные чувства – он подумал, что это предзнаменование.

Стивен положил брошь на стол. Юлиана пошевелилась и прижалась к нему теснее.

«Не давай волю чувствам, – говорил он себе. – Обдумай все получше».

Что в ней особенного? Юлиана была похожа на рубин, играющий на свету всеми своими гранями.

Сначала она была для него только воровкой, затем девушкой, рассказывающей небылицы. Она хорошо говорит по-английски, но испытывает трудности с чтением. Ее французский был безупречен, она продемонстрировала это во время визита Джонатана. Умелое обращение девушки, выросшей среди бродячих нищих, с домашними слугами казалось странным.

Неужели Юлиана научилась всему этому благодаря дару подражания?

Стивен повернулся к жене, крепко прижал ее к себе и, засыпая, спрашивал себя, кого же он держит в своих объятиях?

ГЛАВА 4

– Гаджо! – закричал гневный голос. – Когда я разделаюсь с тобой, от тебя не останется ничего даже свиньям.

Юлиана вскочила с постели, зажмурившись от утреннего солнца. На другом конце кровати между занавесями она увидела знакомую фигуру. Там лежал Стивен.

Юлиана мгновенно вспомнила, что произошло ночью. Стивен остался с ней, как она и просила. Сейчас он протирает глаза, окончательно просыпаясь.

Глаза Стивена снола сузились, когда он увидел гостя.

Юлиана натянула одеяло до подбородка.

– Здравствуй, Ласло, – она провела пальцами по своим растрепанным волосам. – Я знала, что ты придешь. Ты нашел меня по моей вурме? Почему тебя так долго не было?

Ласло, казалось, не обращал на нее никакого внимания. Глаза его горели огнем, он медленно закатывал рукава, угрожающе глядя на Стивена.

– Миледи, – позвала от дверей Джилли. – Простите меня, мэм, но это Микс пропустил сюда этого разбойника. Сейчас я мигом распрощаюсь с ним, – она схватила Ласло за шиворот.

Ласло вырвался из ее рук. Глаза его расширились, борода затряслась.

– Боже праведный, – вырвалось у него по-цыгански, – это же гигантский тролль¹⁴.

Хотя ситуация была серьезной, Юлиану разбирал смех.

– Это моя горничная, – ответила она по-цыгански, а затем перешла на английский. – Джилли, это Ласло. Он наш гость.

– Гость! – гаркнул он. – Я не собираюсь быть под одной крышей с гаджо, свиньей, которая моется в ванной. – Он обратился по-английски к Стивену: – Как тебя зовут? По крайней мере, я буду знать твое имя, прежде чем отправлю тебя на тот свет.

Стивен уперся в подушку. С ленивой усмешкой он посмотрел на гостя и удивленно поднял бровь.

– Кажется, вы, действительно, способны на это. Могу я спросить, почему?

Ласло потряс кулаком в сторону Юлианы.

– Ты опозорил ее! Я жизнью рисковал, чтобы уберечь ее, а ты... ты...

Вздыхнув, Стивен поднялся. Он был в одежде.

– Подождите...

С криком отчаяния Ласло бросился на него.

Хотя Стивен был выше и крепче, внезапное нападение цыгана сбило его с ног, и он упал на пол.

Ласло, не переставая, ругался по-цыгански, схватившись со своим противником. Он проклинал воздух, которым дышал Стивен, землю по которой он ходил, все его внутренности, включая печень. Цыган поставил под сомнение добродетель матери Стивена и зрелость его отца. Самого Стивена он сравнивал с мазью для скрипучих телег.

Казалось, воздух сгустился от непрекращающихся ругательств, и Джилли бросила на Юлиану умоляющий взгляд. Юлиана сделала ей знак не вмешиваться. Ласло чувствовал себя оскорбленным: не хватало еще, чтобы его наказала безоружная женщина.

– Ласло, – крикнула она, когда тот начал кулаками бить по голове Стивена. Юлиана схватила цыгана за плечо, пытаясь оттащить. – Ласло, пожалуйста, не надо.

¹⁴ Тролль – в скандинавских народных поверьях сверхъестественное существо, обычно враждебное по отношению к людям.

– Что? – Стоило только Ласло поднять взгляд, как Стивен молниеносным ударом опрокинул его на пол. Стивен прижал Ласло к полу коленом, тот пытался вырваться, но безуспешно, его бородатое лицо покраснело от напряжения.

– Я представления не имел, баронесса, что спать с тобой настолько опасно, – пробормотал Стивен сквозь зубы. – Я думаю, леди желает, чтобы вы признали свое поражение, – сказал он Ласло.

– Я пришел, чтобы убить тебя. Почему я должен уступать?

– Потому что, если ты этого не сделаешь, я причиню тебе боль.

– Фу! – гневно взорвался Ласло.

– И потому, – добавил Стивен голосом, в котором звучало сожаление, – что я ее муж.

Стивен сидел в своем кабинете в обтянутом кожей кресле и смотрел в лицо Ласло. Тот упрямо отказывался сесть. Еще очень крепкий пожилой цыган с подозрением смотрел на бокал с вином, который ему подал Стивен.

– Это мальвазия, сладкое вино типа мадеры. Оно понравится тебе.

– Напиток ведьмы, – пробормотал Ласло, но пригубил бокал, затем залпом опрокинул его и утер рот рукавом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.